

Сергей ЮДИН

ВОЛШЕБНЫЕ ПЛОДЫ ПРОСВЕЩЕНИЯ

Отчет о действительном происшествии

*Нет, мертвые не умерли для нас!
Есть старое шотландское преданье,
Что тени их, незримые для глаз,
В полночный час к нам ходят на свиданье...*

Иван Бунин, «Призраки»

Глава первая СПОРЫ НА СТЫКЕ НАУК

Эта занимательная и правдивая история началась одним хмурым осенним вечером, когда все мы были гораздо моложе, да и сам нынешний век являлся, по существу, беспечным пятилетним карапузом. И как это почти всегда происходит, поводом для ее возникновения послужила совершеннейшая случайность.

Так уж вышло, что в самый последний день октября, как раз накануне Ночи великого хаоса и Дня всех святых, двух наших соотечественников — известного литератора Константина Петровича Сопоткина и не менее известного в научных кругах историка Горислава Игоревича Костромирова — угораздило встретиться в Дублине. В столицу Ирландии их привели абсолютно несхожие между собой обстоятельства: если историк прибыл по приглашению Тринити-колледжа для консультаций по поводу какого-то даосского манускрипта, недавно обнаруженного в бездонных закромах библиотеки Честер-Битти, то литератор просто путешествовал для собственного удовольствия.

И, тем не менее, несмотря на столь различные цели посещения острова святого Патрика, два наших героя встретились. А встретившись, познакомились и даже сделались приятелями. Подробности и во многом удивительные детали сей встречи мы описывать не станем, хотя они и достойны описания из-за своей необычности. Сейчас разговор пойдет о другом. А именно о событиях, произошедших на третий день после знакомства.

Дело в том, что непреодолимое желание Константина Петровича Сопоткина посетить местное Гугенотское кладбище, где он думал набраться впечатлений для своего эссе о некрополях, привело приятелей в парк св. Стефана, в пределах которого сей погост и располагался. Там, на лоне природы, прогуливаясь по тенистым аллеям и беседуя о богатом впечатлениями минувшем вечере, они увлеклись ученым диспутом, касающимся некоторых необъяснимых явлений, свидетелями коих им довелось недавно стать. За таковыми разговорами время бежало незаметно. Наконец Сопоткин разочарованно произнес с усталым вздохом:

— Думаю, Константин Петрович, мы не придем с вами к единому мнению по вопросу о призраках. Ваш скептицизм просто удручает. Но вот, кстати, еще о необъяснимых явлениях... Вы в курсе, что в Дублин прибыл известный спирит и медиум Александр фон Блоксберг?

— Увы, в курсе, — поморщившись, ответил Костромиров.

— Отчего же «увы»? — усмехнулся Константин Петрович.

— Оттого, что — как ни стыдно мне в этом признаваться — сей шарлатан приехал по приглашению того же колледжа Троицы, благодаря которому и ваш покорный слуга оказался в столице Ирландии. В этом парадокс нашего времени: колоссальному росту знаний одновременно сопутствуют все более яростные извержения вулкана глупости и самого примитивного мракобесия...

— Вот те на! Значит, не один я, сирый да убогий, но и ученые мужи заинтересовались оккультными науками? Чего же ваши коллеги хотят от знаменитого медиума, чем он их заинтриговал? Для чего пригласили-то?

— Насколько мне известно, именно для исследования его паранормальных способностей, — мрачно сообщил Костромиров. — О них ведь пресса на весь мир раструбила. Дескать, новый не то Вольф Мессинг, не то Алистер Кроули...

— Так, так! — оживился Константин Петрович. — Следовательно, и спиритический сеанс предполагается?

— Вы правы, — вздохнул Костромиров, — предполагается.

— Черт! Черт! Черт! — трижды помянув нечистого, выругался Константин Петрович. — Хоть бы одним глазком взглянуть... Вас, естественно, не пригласили?

— Отчего же? Приглашали. Даже очень настойчиво. Да я отказался, конечно.

— Отказались?! — Константин Петрович ажно подпрыгнул и возмущенно всплеснул руками. — Святые угодники! Вам что, разве не интересно? Вы что, начисто лишены любопытства?

— Да нет, — пожал плечами Костромиров, — просто мне уже приходилось бывать на подобных «сеансах магии». И даже, как водится, с последующим разоблачением.

— А вот мне не довелось, — грустно сказал Сопоткин; потом с внезапной надеждой взглянул на историка и спросил: — А может, вы передумаете и пойдете? А заодно и меня прихватите? Или постороннего в ваш вертеп науки не допустят?

— Отчего не допустят? Допустят. Как миленькие. Если, конечно, я вас приведу и представлю в качестве коллеги... Только, дорогой Константин Петрович, на что вам это надо? Это ж натуральная реникса...

— Пускай, реникса, — заупрямился Константин Петрович. — Пускай! Так давайте убедимся в этом опытным путем! Всякая гипотеза требует доказательств.

— Помните, что по этому поводу некогда сказал знаменитый «бульдог Дарвина», великий Томас Гексли? Нет? «Единственное благо, — сказал он, — которое могло бы получиться из доказательства истинности спиритизма, это — новый аргумент против самодубия. Ибо лучше уж *жить* дворником, чем *умереть* и быть вынужденным молоть чепуху устами какого-нибудь шарлатана-медиума, получающего гинею за час». Согласны?

— Когда сеанс? — вместо ответа деловито поинтересовался Сопоткин.

— Сегодня вечером, в восемь тридцать... — слегка растерянно ответил Костромиров.

— Отлично. Сейчас у нас... — Сопоткин взглянул на парковые часы. — Ого! Уже почти половина пятого! Давайте-ка где-нибудь тут быстренько перекусим, а потом я забегу к себе в гостиницу: нужно привести себя в порядок, подготовиться...

— А как же Гугенотское кладбище? — спросил Горислав Игоревич, еще не совсем оправившись от неожиданного напора литератора.

— Да хрен с ним, с кладбищем! — решительно заявил Константин Петрович. — Мало ли в Ирландии кладбищ... И не сосчитать.

— Ну, хорошо, — сдался, наконец, Костромиров. — Только учтите, это мероприятие почти на всю ночь. Полдевятого начнется лишь нечто вроде диспута с привлечением специалистов из разных областей науки, различных дисциплин, и насколько сей псевдоученый консилиум затянется, одному духу мадам Блаватской известно...

— Какая форма одежды? — спросил Константин Петрович, явно уже не слыша собеседника. — Дресс-код предусмотрен? Надеюсь, мне не потребуется срочно искать вечерний смокинг?

— Помилуйте, какой смокинг? Это же не Лондон. В Дублине, слава Богу, внешний вид никого не волнует.

В четверть девятого Костромиров и Сопоткин, сопровождаемые навеки окаменевшими (или, скорее, обронзовевшими) взглядами Эдмунда Берка и Оливера Голдсмита, входили в ворота колледжа святой Троицы. За воротами им открылась

вымощенная неровной брусчаткой и совершенно пустынная в этот час площадь; серое и по-вечернему унылое обрамление из официозно-помпезных георгианских фасадов лишь добавляло ей суровой задумчивости, а окутывающая все вокруг пелена мелкого, по-особенному противного ирландского дождя довершала общую грустную и даже мрачную картину.

Встреча со знаменитым Александром фон Блоксбергом должна была произойти на кампусе, в одном из административных корпусов юридического факультета, почти весь первый этаж которого занимал его декан — профессор Алоиз Бакли, и Костромиров уверенно повлек Константина Петровича в нужном направлении, по мокрым дорожкам затянутых туманной моросью аллеи и скверов.

На пороге их встретил сам хозяин — маленький, горбатый и рыжий человечек на тоненьких паучьих ножках, очень похожий на суетливого лепрекона; отличный дорогой костюм сидел на нем так, будто его небрежно бросили на спинку колченогого стула. Декан Бакли не выразил ни малейшего удивления или неудовольствия, когда Горислав Игоревич представил Сопоткина как известного в Москве специалиста по паранормальным явлениям, широко улыбнулся, показав два ряда мелких и острых зубов, и провел друзей в поместительную гостиную. Выяснилось, что уже все, кроме них двоих, в сборе (ожидали только самого чудодея-спирита), и декан Бакли поочередно представил вновь прибывших присутствующим.

Компания подобралась пестрая и в то же время довольно однородная, ибо большинство из приглашенных оказались профессорами тех или иных отраслей науки. Помимо самого декана, здесь были: румяный и круглый профессор теологии отец Падрейк Макферрис, изможденного вида бледный математик Нейл Миллиган, печальный физиолог Абрахам Фицстефен, профессор психологии Жак Лаваль (вспыльчивый и порывистый, как настоящий француз), физик профессор Гектор Бейдженал, его коллега астрофизик Стивен Кланкарти и специалист в области биологии профессор Фергус О'Флаэрти — худой, исполненный сарказма подвижный человек с короткой шкиперской бородкой и витиеватой речью. Еще была полная, но приятных кустодиевских пропорций дама в очках и с удивительно густыми красновато-русыми волосами, уложенными на голове в форме кукиша. Последняя была представлена Костромирову и Сопоткину как мисс Гелия; фамилию мисс Гелия имела короткую, но труднопроизносимую, начинающуюся каким-то «апчхи»; профессия или род занятий ее озвучены не были, но Константин Петрович отчего-то решил про себя, что она происходит из крапивного адвокатского семени либо из судейских.

Между гостями ходил не то дворецкий, не то приглашенный официант с подносом в руках; на подносе теснились бокалы с мартини, шерри и невысокие стаканы виски со льдом и содовой. В обстановке гостиной преобладала добротная, но мрачноватая викторианская мебель, весьма гармонирующая с кессонным потолком и окнами, задрапированными темно-синими бархатными порттьерами.

Из общего стиля выбивались лишь полностью закрывавшие одну из стен высокие светлые шкафы работы Шератона, наполненные книгами в переплетах телячьей кожи, да пара антикварных чиппендейловских кресел; центр помещения занимал большой овальный стол красного дерева, уставленный немногочисленными блюдами с холодными закусками и разномастными подсвечниками; напротив входа возвышался глубокий, как пещера, камин. В камине вовсю полыхали поленья, антрацит и торф — все вместе; торф горел ясным ровным пламенем и рассыпался в белый пепел, похожий на тальк; поленья весело потрескивали, а уголь исходил inferнально-багровыми пляшущими языками огня. Место в кресле у самого камелька оккупировал преподобный Падрейк Макферрис и, блаженно жмурясь, нянчил свой радикулит. Остальные гости по двое, по трое фланировали туда-сюда по гостиной и вокруг стола в ожидании медиума. Костромиров и Сопоткин взяли по бокалу мартини и молча отошли в самый темный угол.

Наконец, ровно в восемь тридцать раздался хриплый бой гигантских напольных часов и прибыл великий фон Блоксберг. Медиум явился не один, но в сопровождении некоего доктора Перселла, назвавшегося сопредседателем английского «Общества психических исследований». Эта пара являла собой разительный контраст: фон Блоксберг — тощий и высокий, как каланча, с лицом начисто лишенным мимики, бледным и застывшим, будто растрескавшаяся посмертная маска, и доктор Перселл — низенький толстенький живчик с маленькими, глубоко запрятанными и хитро поблескивающими черными глазками. Нужно еще добавить, что медиум был лыс, как колено, и не имел ни малейших следов растительности на иссеченной странными шрамами физиономии (отсутствовали даже брови и ресницы), Перселл же, напротив, являлся счастливым обладателем наигустейшей иссиня-черной бороды а ля Карабас-Варлабас, росшей едва не от самых бровей, пышных усов и лохматой шевелюры, спутанные пряди которой в артистическом беспорядке ниспадали ему на плечи.

Медиум и доктор предстали перед ученым сообществом под руку друг с дружкой, словно закадычные приятели, заглянувшие на огонек к соседям, так же раскланивались с собравшимися и точно таким же манером, ни на мгновение не расцепляя тесно сплетенных локтей, проследовали к столу; впору было подумать, будто это пара странных сиаемских близнецов, которых шутница-природа наделила к тому же полярным сходством.

— Господи Боже, — прошептал Константин Петрович на ухо Костромирову. — Эти двое поразительно смахивают на заезжих престижитаторов.

— На кого? — переспросил Горислав Игоревич. — Да говорите громче, никто здесь русского знать не может.

— На фокусников, — пояснил Сопоткин и задумчиво добавил: — Надеюсь, я ошибаюсь. Первое впечатление нередко обманчиво.

— Не знаю насчет фокусников, — не менее задумчиво ответил Костромиров, — но доктор Перселл явно мне кого-то напоминает. Не пойму только, кого...

— Наверяд ли вы сумели бы позабыть эдакого Черномора, — возразил Сопоткин.

— Пожалуй, вы правы, — согласился Горислав Игоревич.

Как только очередная церемония взаимных представлений и рукопожатий закончилась, декан Бакли велел дворецкому отключить электричество, самолично зажег свечи и попросил всех к столу. Костромиров с Сопоткиным оказались между биологом профессором О'Флаэрти и профессором Фицстевеном — физиологом, похожим на скорбящего Пьеро. Подали напитки — на сей раз это был кофе с виски — и несколько минут, пока ученые мужи смаковали его, за столом царил немного напряженное молчание. Это слегка удивило Константина Петровича, который ожидал, что лучшие умы Дублинского университета немедленно и разом набросятся на гастролера-окультиста, как свора борзых на лисицу.

Нарушил затянувшуюся паузу хозяин, он вежливо попросил фон Блоксберга расказать присутствующим, каким образом тот открыл у себя способности медиума. Вместо знаменитости, продолжавшей невозмутимо прихлебывать кофе по-ирландски и даже не соизволившей поворотить бледный лик в сторону Алоиза Бакли, ответил доктор Перселл. Говорил он на правильном английском, но, несмотря на фамилию, с заметным иностранным (скорее всего, немецким) акцентом. Это тем более бросалось в глаза, что сам фон Блоксберг, вопреки фамилии, знакомясь с гостями, изъяснялся совершенно чисто. Доктор поведал, что его подопечный (доктор так и именовал фон Блоксберга — «мой подопечный», будто речь шла о пациенте специализированной клиники) не открыл, но обрел уникальные способности прозревать невидимое глазу и внимать неслышному ухом в результате прискорбнейшего события, перевернувшего всю его жизнь. Двадцать с лишним лет назад Александр фон Блоксберг — в то время подающий большие надежды выпускник Кембриджа — попал в жуткую автомобильную аварию; результатом оной явилась черепно-мозговая травма, сложная операция, успешно преодоленная кома и — как награда за перенесенные страдания — удивительный, неповторимый дар.

— В чем же конкретно заключается сей дар? — поинтересовался декан Бакли.

— Полагаю, на сегодня у нас запланирована маленькая демонстрация? Разве нет? — спросил в ответ бородач.

— И все-таки? Быть может, прежде вы или ваш... «подопечный» приоткроете для нас завесу тайны? — продолжал настаивать декан.

— Хе-хе! С удовольствием! С удовольствием, любезный профессор Бакли, — по-смеиваясь и потирая ладошки, заверил декана доктор Перселл. — Но уточните, какие именно подробности, детали, нюансы вас интересуют? Ибо в печати и иных массмедиа многое уже освещалось, анализировалось... К чему же повторяться? Зачем же?

— Конечно, я... все мы... читали, слышаны... — растерянно забормотал декан. — Однако желательно бы лично, из первых, так сказать, рук... уст...

— Скажите, доктор, — пришел на помощь Алоизу Бакли Костромиров, — что, собственно, происходит с вашим молчаливым подопечным во время спиритического транса?

— *O! Das ist fantastisch!* — по-прежнему по-смеиваясь в бороду, ответил Перселл. — *Wunderbar!* Душа его путешествует по астралу и беседует с духами.

— Ага. Это очевидно, — с глубокомысленным видом согласился Горислав Игоревич. — Я имел в виду другое. В прессе сообщали, будто он едва ли не в анабиоз или кому впадает. Это так?

— О да! Проведенные мною исследования убедительно доказывают, что во время транса господин фон Блоксберг действительно погружается в своего рода легкий анабиоз или даже каталепсию: сердце его начинает биться менее часто, обмен веществ замедляется, кровяное давление падает, а температура тела снижается почти на полградуса.

— Но эти явления характерны и для простого сна, — возразил Костромиров. — Может, ваш подопытный попросту засыпал? Не допускаете?

— Ха-ха! Не думаю, что секрет удивительных способностей моего подопечного настолько прост!.. — еще пуще развеселился густовласый доктор. — Впрочем, недавно же, по мнению Максима Тирского, известный критянин Эпименид всю свою мудрость почерпнул как раз-таки непосредственно во сне. Правда для того, чтобы стать бесподобным знатоком божественной науки, бедолаге пришлось проспять, по разным подсчетам, не то пятьдесят семь, не то шестьдесят шесть лет кряду... Но, надо полагать, оно того стоило. Хе-хе!

— *Mon Dieu!* Да ведь все эти пресловутые «секреты» раскрыты Фрейдом, а главное, его последователем Юнгом, еще на заре прошлого века! — нетерпеливо воскликнул нервический профессор психологии Жак Лаваль. — Вспомните ядро философии Юнга — учение о коллективном бессознательном... Именно Карл Густав Юнг, анализируя оккультные феномены, убедительнейшим образом доказал, что же конкретно происходит в голове медиума, когда тот начинает общаться с «иным миром». На самом деле, речь идет о диссоциации, распаде части личности медиума, проявлении в его психике нескольких «я», каждое из которых существует независимо от другого. Если раньше говорили об «одержимости бесами», приходившими в душу извне, то Юнг выяснил, что весь их легион и без того уже сидит в душе каждого из нас. Только это не «бесы», а бессознательно оформившиеся особые «личности». В состоянии транса они просто вытесняют «я» медиума... Именно они (а вовсе не вселившиеся «духи») заставляют человека говорить на разных, будто бы незнакомых ему языках, беседовать с покойниками и озвучивать неведомые дотоле теологические доктрины... Ибо за порогом сознания любого человека лежат вечные праформы, проявляющиеся в разные времена в самых различных культурах. Они как бы хранятся в бессознательном и передаются по наследству от поколения к поколению...

— Все ваши складно изложенные теории о бессознательном разлетаются в прах перед простым утверждением *незримого существа*, заявляющего: «Я есмь дух. Я — Авель, брат твой!» — резко оборвал Лаваль нежданно обретший дар речи мрачный медиум; он устало смежил веки, чуть помолчал, а после продолжил торжественным и до странности монотонным речитативом: — Что для меня ваши «научные» объяснения? Для *меня*, который пожимал материализовавшиеся из ничего руки, ощущал терпкий клоачный запах эктоплазмы, видел образ умершего, запечатленный цифровой фотокамерой, снимавшей пустое пространство, слышал пророчества, которые вскоре сбывались, зрел духов, разгуливающих по комнате в полумраке и непринужденно встречающих в разговоры живых? Знайте же, что я не единожды сподобился наблюдать, как летают во время моих сеансов тяжелые предметы, которых не касалась человеческая рука и которые меняли направление движения, покорные воле незримых операторов. Не раз и не два слышал пение, находящееся за пределами наших земных возможностей восприятия; свист, что издавался без пауз, необходимых нам для взятия воздуха. Скажу вам более: во время спиритического транса мне довелось побывать в необычных вселенных... Вселенных, чье четырехмерное пространство состоит из бесчисленного количества трехмерных миров, во всем подобным нашему, но пересекающихся в одной области, откуда возможно попасть в любой из них. Такие вселенные подходят на раскрытую книгу Тота, где веер обособленных страниц-миров имеет общий переплет... Приходилось мне посещать и универсумы из полностью независимых параллельных миров, каждый из которых, подобно гладкой шелковой ленте, повторяет все изгибы соседнего... Вселенные с пространством скрученным, изогнутым, прекаверзно искореженным, исковерканным и искривленным... И диковинные многомерные миры, где время — точнее, множество времён — течёт в разных направлениях. Я был потрясённым очевидцем того, как из ничего, из безразмерной точки, рождаются мироздания с десяти- и одиннадцатимерным пространством-временем...

— Да, да, — перебил медиума профессор Бейджанал, — мы знаем: нынче все пути и тропки в теоретической физике ведут к многомерию. Правда, обыкновенно речь при этом идет о микромире, который недоступен для практического исследования... Но чтобы вот так вот запросто странствовать по многомерному многомирию!.. Скажите, а вы часом не ощущали там некоего дискомфорта? А? Сами-то вы тоже ведь должны были обрести многомерность! Верно, непередаваемое ощущение? А?

— Ах, концептуально! — ахнула дама с кукишем на голове (и Сопоткин и Костромиров успели позабыть, как ее звать, пришлось справляться у соседей). — Ах, расскажите, расскажите нам об этом подробно, в деталях! Щупальца у вас отросли? А члены... у вас, наверное, все члены сделались прекаверзно искривленными и о-очень большими. Боже мой, как это все *безумно* интересно!

— А известно ли вам, господа, что расчеты теоретиков говорят о том, что Вселенная,

возможно, состоит, по меньшей мере, из двух наложенных один на другой, очень слабо связанных, почти прозрачных друг для друга миров? — громко обратился к присутствующим астрофизик. — Только представьте: совпадающие всеми своими точками миры, каждый из которых — как бы тень, призрак другого! Два вида материи: обычная и очень слабо с ней взаимодействующая — «призрачная»... Может быть, именно здесь и ответ, и разгадка многих оккультных явлений? Может быть, мы с вами существуем в городах и весях призрачного мира, и вокруг нас бродят тени его жителей — призраки населяющих его существ?

— Признаюсь, ничего не слышал о такой гипотезе... — развел руками профессор Миллиган. — Это что, очередное развитие постулата о высшей сущности бытия как симметрии? Можете подробнее?

— Подробнее скучно, — ответил Кланкарти. — Разве что в общих чертах... Так вот, астрономия и астрофизика уверенно говорят о том, что в момент рождения Вселенная представляла собой... представляла собой... Нет-нет, не точку!.. Скорее — пространственный «пузырек» исчезающе малых, действительно, почти точечных размеров. Так вот... расширяясь, она остывала, и в ней происходили фазовые превращения, подобные тем, которые претерпевает разогретое до парообразного состояния вещество: сначала образуется жидкая фаза, далее она переходит в твердую аморфную, которая затем кристаллизуется... Конечно, вещество новорожденной Вселенной нельзя считать ни жидкостью, ни газом. Нет, это было чрезвычайно насыщенное энергетическое поле... Ну, это детали... Так вот, дабы не погрязнуть в частности: последующее расширение Вселенной, при котором плотность вещества снижалась, а гравитационные силы естественным образом ослабевали... это самое расширение и сформировало два практически не зависящие друг от друга мира. Каждый из них, как легкая тень, эдакий гравитационный «призрак», пронизывает другой... Иными словами, вполне возможно, что по соседству с нами, в том же пространстве-времени, существует «параллельный» мир-невидимка! Что он из себя представляет, сказать затруднительно... Может, он в точности такой же, как наш, а может, и совсем непохожий. Ведь, несмотря на тождественность физических законов, реальные условия кардинально отличны даже на соседних планетах. Что же говорить о мирах, расставшихся пятнадцать-двадцать миллиардов лет назад!

— Остроумно, ничего не скажешь... — согласился математик. — Но столь же не проверяемо эмпирически, как и большинство подобных физических гипотез. Чем эта отличается, к примеру, от предположения, будто внутрь каждого электрона упрятана целая вселенная, которая, так же как и наша, вполне может быть чревата жизнью и разумом? А ведь предположение это выстроено в строгом соответствии с теорией относительности... Ну, во всяком случае, нисколько ей не противоречит. Или возьмем известную идею Лейбница о том, что Универсум есть некий живой сверхорганизм, где звезды — лишь атомы образующего оный космического вещества... Мол, если рассматривать космос с точки зрения гигантских масштабов, выглядит он не менее плотным, чем обычная материя...

— Можете добавить к сказанному, — вступил в разговор профессор физики Бейдженал, — что, согласно иным теоретическим разработкам, мы вообще, в действительности, живем вовсе не в трехмерном, а в многомерном пространстве. Однако во всех направлениях, кроме трех взаимно перпендикулярных, наше пространство «свернуто». Поэтому, дескать, оно и представляется нам — ошибочно представляется! — трехмерным: мы можем перемещаться в нем лишь в этих трех направлениях... Такая гипотеза, кстати, тоже нисколько не противоречит заявлениям нашего уважаемого медиума...

— Так а я о чем! — воскликнул профессор Миллиган. — Но все дело-то в том, что подобные гипотезы столь же трудно — вернее, невозможно! — опровергнуть, как и доказать. Это уже не наука, это уже философия...

— Философия, говорите? — прервал математика Гектор Бейдженал. — А известно ли вам, что новейшее развитие физики уже позволяет ставить вопросы, которыми ранее как раз ваша философия и занималась? Вопросы, которые прежде вообще не находились в сфере науки.

— Какие, например?

— Очень многие, поверьте.

— И все-таки? Подкиньте парочку, Гектор. Или хоть один. Для примера.

— Например, почему мир именно такой, какой он есть, а не какой-либо иной!

— И почему же?

— Я же сказал «ставить вопросы», а не «отвечать» на них.

— Ну да, ну да, помним: задают вопросы философы, отвечают — глупцы... Но все-таки? Готовы вы как физик растолковать мне, заскоружлому математику-ортодоксу, отчего мир именно таков, каков есть? А?

— Возможны, по крайней мере, три варианта ответа, — нехотя отозвался профессор Бейдженал. — Первый: мир безвариантен и устройство его жестко фиксировано, ибо все сущее подчинено единому крайне простому принципу — абсолютной идее... Что вы фыркает? Я еще не закончил... Второй: нет никакой абсолютной идеи, устройство мироздания многовариантно, но из бесчисленного множества этих самых вариантов стохастическим образом выбирается наиболее вероятный...

— Вряд ли такой ответ понравился бы вашему гуру — Эйнштейну, — с сокрушенным видом качая головой, сказал Костромиров. — Как известно, «Господь не играет с мирозданием в кости!» Выходит, будто тот «единственный и неповторимый» мир, в котором мы живем и который нам так любезен, есть столь же невероятная игра случая, как и жизнь любого человека.

— Третий вариант, — невозмутимо продолжил физик, — заключается в том, что создание мира есть акт одноразовый, и понятие вероятности к нему неприменимо. Мир получился таким, какой он есть, потому что в противном случае не существовало бы ни элементарных частиц, ни атомов, ни звезд и планет и, уж тем более, не было бы никакой биологической жизни. Судьба универсума решилась еще тогда, приблизительно тринадцать миллиардов лет назад, в течение первой миллисекунды после Большого взрыва. Согласно нашим расчетам, окажись в результате физические законы и константы лишь слегка, на тысячную долю другими, Вселенная развивалась бы так, что возникновение жизни явилось бы абсолютно невозможным. Во всяком случае, жизни в известных нам формах... Короче, если бы все было не таким, каково оно есть, нас просто бы не существовало и мы, всё одно, не имели бы возможности выразить по сему поводу удивление. Понимаете? Мы являемся свидетелями природных и космических процессов определенного типа именно потому, что процессы иного типа (даже если допустить их существование) протекают *без свидетелей*... Иначе говоря, установленного во Вселенной порядка вещей могло и не быть без человека, но поскольку есть человек, то Вселенная обладает как раз теми свойствами, какими она обладает. Уже само наличие биологической жизни накладывает ограничения на свойства Вселенной — они должны быть в той или иной мере определенными. Вывод: мироздание таково, каково оно есть, ибо существует человек!

— Ха! Тоже мне, вершина мысли! — саркастически хмыкнул биолог О'Флаэрти. — Если не ошибаюсь, Гектор, вы только что сформулировали пресловутый антропный принцип?

— А чем вам не угодил антропный принцип? — поинтересовался Стивен Кланкарти. — Вы знаете, что его выдвинул крупнейший астрофизик нашего времени Брендон Картер?

— Применительно к Земле этот ваш принцип сформулировал еще черт знает когда русский академик Вернадский, — вмешался Костромиров. — Именно он в своем учении о ноосфере тщился представить нашу планету саморазвивающейся системой и утверждал, будто эволюция косной материи закономерно приводит к появлению разума; был убежден в неизбежности воссоединения разума и природы...

— Мне кажется, сэр, вы не вполне корректно трактуете антропную гипотезу... — встрял было преподобный Макферрис, но его тут же не слишком вежливо перебил профессор психологии.

— *Ventre bleu, c'est un peu trop fort!* Учение о ноосфере — целиком заслуга Пьера Тейяра де Шардена! — воскликнул вспылчивый Жак Лаваль. — Хотя сам термин хитрый иезуит, как водится, стибрил у великого Леруа...

— Вопрос не о приоритетах... — примирительно буркнул Бейдженал, подумав же, ворчливо продолжил: — Впрочем, это и правда довольно старый спор. С одной стороны, выступает ортодоксальная наука с ее нигилистической философией бессмысленной Вселенной и безличных физических законов, равнодушных к любой конечной цели, — философией космоса, в котором жизнь и разум, наука и искусство, надежда и страх — попросту преходящие и вполне случайные украшения на обреченной на необратимый распад материи... С другой стороны, выступает — не скрою, более мне близкое — представление о самоорганизующейся и самоусложняющейся Вселенной, управляемой хитроумными законами. Да, именно хитроумными, но отнюдь не злонамеренными! Ибо эти самые законы поощряют материю развиваться в направлении жизни и сознания... Вселенной, в которой появление мыслящих существ является фундаментальной и интегральной частью *всеобщей схемы вещей*... Вселенной, в которой мы не одиноки!

— Вселенная вовсе не была чревата жизнью, равно как и биосфера человеком, — вновь взял слово профессор О'Флаэрти.

— Вы ошибаетесь, Фергус. Они были! — немедленноотреагировал астрофизик Стивен Кланкарти. — Появление жизни есть космический императив. Жизнь — это предмет детерминистских сил. Она не может не возникнуть при наличии подходящих

условий, и она непременно возникает повсюду, где и когда появляются такие условия. Жизнь и разум отнюдь не являются результатом каких-то причудливых нелепостей, аномалий и ошибок, а представляют собой естественное проявление природы. Проявление, вписанное аршинными буквами в самую ткань универсума!

— Вот даже как?! — с возмущением вскричал О'Флаэрти. — Но разве жизнь сводится к законам физики или химии? Разве она является «автоматическим», а потому обязательным следствием этих законов? Чушь! И как бы красиво и романтично ни звучали ваши слова о «космическом императиве», в действительности возникновение жизни — даже в «подходящих условиях» — весьма и весьма маловероятное событие! А еще в большей степени это относится к возникновению *разумной* жизни... Не думаю, что вы станете оспаривать тот факт, что эволюция разума была результатом огромного, воистину бесчисленного количества влияний и предшествующих накопившихся приспособлений, и отсутствие *любого из них* способно было... да что там «способно» — *обязано!* — да, именно *обязано* было полностью прервать этот процесс! Так что, сэр, можете мне поверить: появление разума не является ни следствием какой-либо эволюционной тенденции, ни событием даже предельно малой вероятности.

— Чем же тогда оно является? — спросил Миллиган.

— Результатом чистой, абсолютной случайности! Эдаким редчайшим вселенским курьезом! — убежденно ответил биолог. — Как, впрочем, и само возникновение жизни. Если у эволюции и имеются какие-то свои законы, то имя им — произвол!

— Но разве невозможно предположить, что при достаточно долгой эволюции даже самое маловероятное событие может, даже — как вы изволите выразиться — *обязано* произойти и не однажды?

— Ха! Вспомните о судьбе динозавров! В отличие от наиболее ранних, архаичных видов человека разумного, существующих, по самым смелым подсчетам, едва ли более одной тысячи столетий (а то и вдвое меньше!), динозавры безраздельно правили Землей в течение целых ста пятидесяти миллионов лет. Но разве приблизились они хоть на йоту к разуму или, тем паче, к какой-нибудь, даже самой завалыщенькой, самой зародышевой технологии? А? Вот вам и ответ на все спекуляции о неизбежности «образумливания» косной материи... Нет-нет! Стоит ли забывать, что и мы с вами — всего лишь одна из форм организации этой самой материи? Не более чем единичная мутация среди бесчисленного количества иных мутаций, которые зародились — абсолютно стихийно! — в результате слепого и спонтанного сочетания причинно-следственных связей, комбинируемых разбойницей-природой в бесконечном числе вариантов...

— Кстати, о динозаврах и спонтанности, — взял слово Костромиров. — Вот вопрос дилетанта: имелась ли во времена господства этих ходячих эверестов мяса и мышц хотя бы малейшая возможность для появления и последующей эволюции млекопитающих и условного венца их — приматов? Эволюции, завершившейся появлением антропоидов и гоминид, чье развитие, в свою очередь, стабилизировалось в виде *Homo sapiens sapiens*. А ведь многие палеонтологи уверяют, будто исчезновение динозавров обусловлено чисто внешними, случайными факторами. Дескать, не шмякнись на Землю прибудный астероид, не изменись в очередной раз радикальным образом климат, тучные стада звероящеров до сей поры кишели бы на суше, в воде и воздухе. По крайней мере, могли кишеть. А как быть с человеком разумным? Нет варианта, что в таком разе его *случайно* не зародилось бы вовсе?

— В логике вам не откажешь, коллега, — с улыбкой погрозил пальцем преподобный Макферрис. — В логике, но — увы! — не мудрости. Как не усмотреть в астероиде промысел Божий?

О'Флаэрти досадливо отмахнулся от астероида вкупе с Божьим промыслом и продолжил свою эскападу с астрофизиком:

— Да о чем, собственно, говорить, если даже все астрономические и астрофизические наблюдения последних десятилетий неоспоримо свидетельствуют, что наша «живая» планета — единственная в своем роде. Небесное тело, обладающее крайне маловероятным набором физических констант. Она воистину уникальна! Причем не только в пределах Солнечной системы или галактики, но и в целом — Вселенной... Так где же здесь можно углядеть антропный принцип? В чем пресловутый «космический императив» на возникновение жизни, не говоря уже о разуме?

— Я не совсем понимаю, Фергус, что вы подразумеваете под «крайне маловероятным набором физических констант»? — пожал плечами Кланкарти. — Уверяю вас, с точки зрения астрофизики, Земля вовсе не является таким уж уникалом.

— Не так уж трудно сообразить — я имею в виду Землю именно как колыбель жизни, — ответил О'Флаэрти. — Вот скажите... Оставим покуда в покое галактики и вселенные... Скажите, могла ли появиться на нашей планете жизнь, если бы орбита ее проходила всего процентов на пять ближе к Солнцу или, напротив, хотя на один

процент дальше от него?

— Нет, конечно. Точнее... скорее всего, это невозможно.

— Отчего же?

— В первом случае, — находишься Земля чуть ближе к светилу, — первичная вода... та, что некогда выделилась в виде горячего пара из земных вулканов, не смогла бы сконденсироваться в океаны и моря. В результате не произошло бы связывания углекислоты, и земная атмосфера была бы так насыщена этим «парниковым газом», что поверхность Земли ничем не отличалась бы по своей раскаленности от поверхности нынешней Венеры.

— Ага. Ну, а во втором? Находишься Земля хотя на один или даже полпроцента дальше от Солнца.

— Тогда она получала бы от него столь мало энергии... Тут нельзя забывать, что в «молодости» Солнце излучало ее гораздо меньше, чем сейчас... Так вот, получаемая Землей солнечная энергия была бы так незначительна, что вода, хоть и сконденсированная, превратилась бы в мощные, многокилометровой толщины ледники, а вся поверхность планеты — в чудовищное подобие нынешней Антарктиды.

— Ну вот, — удовлетворенно резюмировал О'Флаэрти. — И разве после этого кто-то осмелится отрицать, что «зона обитаемости» даже в одной нашей Солнечной системе — узкий пролив или даже микроскопическая щель меж Сциллой и Харибдой? А ведь это лишь одна небольшая деталь. Прибавьте ко всему сказанному еще наличие мощного магнитного поля, которого, кстати, нет ни у одной другой планеты нашей системы и только благодаря которому поверхность Земли защищена от смертоносного для всякой жизни ультрафиолетового излучения Солнца и не менее губительных высокоэнергетических частиц из космоса; прибавьте именно такую, а не иную массу планеты, именно существующий, а не иной наклон плоскости ее орбиты, — без всех этих деталей, по расчетам современной науки, жизнь была бы невозможна, — приплюсуйте сюда наличие такого большого спутника, как Луна, вызываемые которой огромные приливы и отливы способствовали перемешиванию «первичного бульона», да и самому выходу жизни на сушу и, как следствие, ее усложнению, — прибавьте еще десятки, сотни и тысячи барьеров, стоявших на пути возникновения жизни, а после мириады случайностей, обусловивших характер ее развития, сложите все это и поймете, что жизнь в целом — столь же уникальна, как и жизнь каждого существа в отдельности. От таракана или калоеда затылкоротого до любого человеческого индивида.

— Вот оно как! — запальчиво воскликнул Кланкарти. — Значит, возникновение жизни и разума, по-вашему, не более чем слепая случайность, исключение из правил. Отчего не сказать прямо, что и то и другое — просто нонсенс, ошибка?!

— Может, и ошибка, — согласился О'Флаэрти. — Почему бы и нет? Вся естественная эволюция — всего лишь блуждание ошибки. Подумайте, ведь не появившись неточности и аномалии в наследственных репликациях, так на Земле ничего не жило бы, кроме амёб. А так из ошибок выросли рыбы, земноводные, деревья, динозавры, свиньи и, наконец, мы сами. Мы привыкли тешить себя мыслью, будто эволюция носила некий поступательный характер. Чушь! Сумасшедший танец генов — вот что такое наша хваленая эволюция.

— Ну, конечно! — астрофизик презрительно вздернул плечи. — И логически развивая вашу мысль, мы с неизбежностью приходим к выводу о том, что и самый космос, само мироздание — не что иное, как дурацкий фортель, мимолетная флуктуация, вполне себе случайное отклонение от неведомых нам законов еще более неведомого бытия.

— Успокойтесь, Стивен. Космос — ваша епархия, туда соваться я не намерен... Я хотел лишь подчеркнуть, что нашему виду более пристало бы именоваться не *homo sapiens*, но *homo fortuitus* или *homo accidentali*. Ибо человечество в целом — такое же дитя неразумного случая, продукт произвольной и хаотичной комбинации генов, как и каждый из нас в отдельности. Надеюсь, последнее обстоятельство вы не станете оспаривать?

— Господа! Господа! — вскричал хозяин. — Вам не кажется, что мы слишком увлеклись? Чересчур далеко ушли от темы нашего диспута. При чем здесь зарождение жизни и разума вообще? Мы с вами говорим о феномене вполне конкретного разума вполне конкретного человека...

Глава вторая

ЕСТЕСТВОЗНАНИЕ В МИРЕ ДУХОВ

Все присутствующие на мгновение замолчали, даже с некоторой неловкостью поглядывая на продолжающего хранить невозмутимый и мрачный вид медиума. Положение исправил Лаваль:

— Кхах! Кхах! Дамы и господа! Я, как вы понимаете, не спирит, — сообщил он, предварительно откашлявшись и глотнув martini. — То, что называется спиритизмом, мне совершенно неизвестно. По роду своей научной деятельности я, правда, изучал гипноз и истерическую летаргию. Ибо они и сопутствующие им явления имеют прямое отношение к высшей нервной деятельности. Но здесь предполагаются к исследованию не эти, а другие явления. И потому желательно было бы узнать у господина фон Блоксберга... прежде чем мы приступим, так сказать, непосредственно к опыту, к сеансу... какого рода эти ожидаемые явления и — главное! — какое они имеют научное значение?

— Целиком присоединяюсь к мнению месье Лавала, — с нехорошей усмешкой заявил О'Флаэрти. — Такое разъяснение было бы очень и очень кстати.

Доктор Перселл повернулся к своему подопечному и поинтересовался развязным тоном психоаналитика, беседующего с постоянным клиентом:

— Ну что ж, я думаю, мой дорогой, вы не откажетесь объяснить вкратце.

Александр фон Блоксберг приподнялся из-за стола, сдержанно поклонился присутствующим, вновь сел и заговорил своим бесцветным, лишенным интонаций голосом:

— Отчего же, я могу объяснить, если этого желают. Ведь вы, собственно, для этого и собрались. Но объяснение мое будет неизбежно поверхностно и кратко... Феномен, который вы желаете исследовать, представляется обыкновенно, с одной стороны, как нечто новое, с другой стороны, как нечто выходящее из ряда естественных условий. Ни то, ни другое не справедливо. Явление это не ново, а старо, как мир, и не сверхъестественно (в обыденном понимании этого слова), а подлежит все тем же вечным законам, которым подлежит и все существующее... Астральная сфера, в которой я обретаюсь большую часть своей жизни, есть область Вселенной, наиболее близкая к физической сфере. Жизнь здесь активнее, чем в физическом мире, и формы более пластичны. Для человека, который может видеть ее, астральная материя представляется прозрачной, блестящей и сверкающей, как звезды. Отсюда и сам термин. Он часто вводит в заблуждение, и нужно помнить, что астральная материя не имеет ничего общего со звездами, кроме названия. Внешний вид астрального мира похож на физический, так как значительная часть астральных предметов и тел представляет собой двойники тел физического мира. То есть астральные тела — суть тени физических предметов. Они имеют те же самые очертания, но прозрачны, и лицам, обладающим астральным зрением, видны сразу со всех сторон и изнутри...

— Ну чем не моя теория о параллельной вселенной! — с иронией воскликнул Стивен Кланкарти. — Мир-невидимка! Гравитационный призрак! Вот что такое эта ваша астральная сфера.

Медиум остановился, строго глянул на астрофизика, затем изрек безжизненным голосом:

— Конечно, возможна и такая трактовка. Доктор Перселл, например, — тут фон Блоксберг почему-то ткнул пальцем в сторону сидящего справа от него профессора Фицстефена, — предпочитает именовать астрал «четвертым измерением»...

— О да! — доктор потер профессиональным жестом пухлые ручки; не было заметно, чтобы он сколько-нибудь обиделся на странную рассеянность своего подопечного. — Все таинственные явления отлично и без труда объясняются теорией четвертого пространственного измерения. Действительно, представьте себе огромную простыню, по которой ползают... ползают... ну, скажем, клопы! Хе-хе! Именно, постельные клопы! Твари эти понятия не имеют о том, что они живут в трехмерном мире. Жизнь их ограничена двумерной простыней. Теперь, положим, вы осторожненько хватаете одного клопа пальцами. С точки зрения других обитателей простыни, их собрат исчез — дематериализовался. Опустим его обратно на простыню — произошла рематериализация. Так же нетрудно понять, что, рассматривая простыню с клопами со стороны, мы отчетливо видим, куда они движутся. Видим то, чего они не в состоянии обнаружить в своем убогом двумерном мирке. Поэтому мы, жители трехмерного мира, легко предскажем будущее клопового государства. Отсюда и всеведение или многознание обитателей астрала, которые то и дело норовят предсказать нам будущее, открыть некие тайные знания... Разве не ярче, не отчетливее предстают перед нами загадочные явления человеческой психики, если мы примем, что астральная сфера

— это и есть четвертое измерение? Поверьте, я много лет интенсивно работаю в сей области. И это позволило мне открыть, что многие вещи, невозможные в нашем обыкновенном трехмерном пространстве, оказываются в астральной сфере само собой разумеющимися. Так, например, в четырехмерном мире можно запросто вывернуть, как перчатку, замкнутый металлический шар, не проделав в нем дыры; точно так же возможно завязать узел на не имеющем с обеих сторон концов или закрепленном на обоих концах вервии; можно также вдеть друг в друга два отдельных замкнутых кольца, не разрывая ни одного из них, и проделать целый ряд других подобных кунштюков...

— Которые можно увидеть в любом цирке, — прошептал Костромиров на ухо Константину Петровичу.

— Сам я не берусь давать никаких определений, — равнодушно сказал фон Блоксберг, — не считаю себя вправе клеить ваши «научные» ярлыки на тайну... Но продолжу: астральные тела, не связанные с физическими предметами, необыкновенно изменчивы. Поэтому астральную сферу называют сферой иллюзий. Астральное тело меняет свой вид с поражающей быстротой, потому что астральная материя принимает новые формы под малейшим влиянием мысли...

С той стороны стола, где сидели Костромиров и профессор биологии О'Флаэрти, послышались звуки, очень похожие на сдерживаемое фырканье. Фон Блоксберг опять строго оглянулся, потом продолжил говорить с прежней невозмутимостью:

— Теософия учит, что пространство заполнено летающими мыслеформами. Они, как тучи москитов, вьются вокруг нас или висят на нас, притягиваются или отталкиваются нашими астральными телами. Мыслеформы могут быть голубыми, красными, черными, фиолетовыми, золотистыми, зелеными, серыми... Короче говоря, разными могут быть эти мыслеформы. Интенсивно думая о человеке, создавая мысленно его образ, вы создаете подобный же образ-отпечаток и в астральной сфере. Порой же случается и такое: вы вкладываете всю душу в желание увидеть того или иного индивидуума или просто случайно сконцентрировали на оном все помыслы и вожеления, и — о чудо! — вы вдруг и правда видите его астральный фантом. Точно так же при известных условиях этот фантом способен разглядеть и другие. Здесь мудрость. Кто имеет ум, тот поймет: именно в этом кроется объяснение многих призраков... Вы спросите: как быть с мыслями, не связанными с определенными образами или представлениями? Как они выглядят? И я отвечу: такие отвлеченные мысли принимают самые разнообразие, зачастую совсем фантастические формы, формы облаков, геометрических фигур, спиралей, зигзагов, снежинок, перьев, цветов, звезд, крыльев, ползучих гадов, стрел, крючков, шаров и прочая, прочая... Весь видимый мир, все пространство заполнены для меня подобными загогулинами. Там, где вы, простые смертные, зрите лишь пустоту либо серую обыденность, я наблюдаю извечное кишение астральной жизни: в окнах ювелиров висят оставленные вами грязно-красные крючки зависти, в судебных залах — кроваво-огненные стрелы гнева и студенисто-серые сгустки страха, в театрах и кинозалах витают оранжевые туманности любопытства, над свадебными поездами и домами терпимости — зеленые кружева симпатии и розовые облака похоти, а над тюрьмами и банками поднимаются черные тучи злобы и ненависти или пунцово-антрацитовые дымки обиды и отчаяния...

— фон Блоксберг обратил затуманенный высшей мудростью взор на замершую в пароксизме восхищения мисс Гелию: — Вот, например, вы... Да-да, именно вы, леди... Сознайтесь, вы и не подозреваете, что как раз сейчас, в этот самый момент, по вашему левому плечу ползет симпатичная аметистовая гусеница... — Мисс Гелия ахнула и принялась лихорадочно стряхивать с оголенных плеч нечто невидимое. — Чудесная аметистовая гусеница вожеления. О, будьте уверены, я вижу ее прекрасно, во всех подробностях. Это значит, кто-то из нас, здесь присутствующих, глянул на вас, дорогая леди, с вполне определенным чувством... — Мисс Гелия мило покраснела и слегка поддернула на плечи сползшую шелковую шаль. — Теперь, собственно о спиритизме... — медиум выпрямился и застыл на стуле, будто его хватил столбняк; теперь он смотрел куда-то в пространство, поверх голов присутствующих, отчего казалось, что слова его предназначены незримому для прочих фантому: — В наш век разочарованной иронии и поверхностного скептицизма, на поверку оборачивающегося самым беспомощным легковерием, слова быстро теряют свой первоначальный смысл. Не избежало этой печальной участи и слово «спиритизм». К несчастью, оно сильно скомпрометировано шарлатанами и невеждами. Своим высшим призванием я вижу возвращение ему первоначального, истинного и во многом сакрального значения. Для посвященного смысл сего слова очевиден — «учение духов», «духоведение», короче, общение с душами умерших или никогда не живших... Уже почитание предков и некромантия воплощали в себе попытки древнего человека испросить защиты и совета у тех, которые предварили его в мире ином. И как ни противно слышать об этом господам атеистам и материалистам, — последние слова фон Блоксберг

буквально выплюнул (продолжая, впрочем, сохранять вполне бесстрастный тон), сурово оглядев при этом всех собравшихся, — но были у древних реальные и донные непревзойденные достижения в этой области. Достижения, которые нам и не снились. Пророки, прорицатели, жрецы, шаманы — в Египте и Галлии, в Индии и Персии, в Греции и Якутии, *езде* — действительно имели доступ к онтологическим тайнам, даже и немислимым современному человеку...

— Эка! — не сдержался и прервал медиума Костромиров. — Так что же, по-вашему, человечество со временем деградирует?

— Отчего же сразу деградирует? — ласково переспросил за своего подопечного доктор Перселл.

— Ну, если чем далее в древность вы погружаетесь, тем, как выясняется, больше тайн было ведомо человечеству, тем умнее, просвещеннее и мудрее оно якобы было. И наоборот: чем ближе к современности, тем все более глуп и несведущ становится человек. Что это, если не деградация?

Ни доктор, ни фон Блоксберг не удостоили Горислава Игоревича ответом, медиум лишь глянул на историка, как на докучное насекомое, ползающее по двумерной простыне, и вновь продолжил:

— Так вот. Как ни коробит это слух господ материалистов и атеистов, практические и философские приемы спиритизма всегда присутствовали во всех религиях и оккультных учениях. Ибо человек никогда не был телом — куском мяса, заряженным энергией, — но всегда был духом. Или, как любил говаривать Эпиктет: слабой душой, обремененной трупом. Достаточно перечитать «Деяния» и «Послания апостолов», дабы понять, что все Священное писание — не более чем сборник правил, руководств, наставлений, законов и инструкций практического спиритизма. Нет сомнений в том, что пифии и сивиллы греческих оракулов, якутские шаманы, средневековые ведьмы и святые афонские старцы были натуральными медиумами, и не описывают ли Ямвлих в сочинении «О прорицании», Цицерон в трактате «О девинации», Калкидий в комментариях к диалогам Платона или тот же Тертуллиан в опусе «О душе» поразительнейшие явления современного спиритуализма? То же можно сказать и о прочих сакральных текстах: Упанишады, тексты пирамид и саркофагов, книги мертвых, Авеста, Бхагават-пурана...

— А Камасутра?! — чуть не взвизгнула мисс Гелия. — Камасутра ведь тоже?

— Вы, должно быть, имели в виду Агни-йогу? — елеинным голосом уточнил доктор Перселл.

— И ее, конечно... — ответила мисс Гелия, снова зардевшись, будто маков цвет.

— ...Оккультное, то есть скрытое и потайное, — вещал, между тем, фон Блоксберг, — сегодня должно наконец стать ясным, явным, понятным всем и каждому, ибо только таков есть путь здоровой цивилизации, путь восхождения человечества на следующую ступень эволюции. Спиритизм не есть исключительно вера, он есть знание и знание эмпирическое, ибо строится на фактах и экспериментах, на анализе их и строгой логике. Лишь благодаря ему человек сумеет получить истинное представление о своей природе, поймет, наконец, что он вовсе не продукт обреченной на распад и гниение материи, но духовное бессмертное существо, душа, обремененная негодным остовом. И может ли быть иначе, если сознание, как о том недвусмысленно свидетельствуют мои опыты, сохраняется после смерти пакостной его оболочки? Сам по себе факт этот означает полное и окончательное сокрушение всех враждебных спиритизму теорий — дарвинизма, позитивизма, вульгарного (якобы диалектического) материализма, атеизма и разного прочего марксизма. Нет, совсем не пустяками занимаемся мы, спириты, но бессмертием человеческим. Вечную жизнь желаем подарить людям... Вы спросите, благодаря чему возможна вечная жизнь? На ранних стадиях существования духа она возможна благодаря метемпсихозу, реинкарнациям, на дальнейших же, более продвинутых стадиях духовное существо не имеет уже нужды в столь грубом и отвратительно-гадком орудии, как физическое тело, и живет исключительно идеально, беспрестанно славя божественного создателя... Так говорю вам я, так же говорили и мои учителя...

— А у вас были учителя? Наставники? — живо поинтересовался профессор Лаваль.

— Моими наставниками были многие величайшие умы, — молвил фон Блоксберг, — всех не перечислить. Впрочем, довольно назвать Свами Ишванандома, Ашока Тхакера и, разумеется, Шри Ауробиндо. Я учился у них технике медитации.

— Вот это да! — воскликнул Костромиров. — Да ведь все трое, насколько я знаю, давно умерли. Скорее всего, еще до вашего рождения.

— Они умерли для вас, простых смертных, но не для меня, — бесстрастно парировал медиум.

— Ах, я знала, знала! — сдавленно ахнула мисс Гелия. — Он говорит с мертвецами!

Способен вдохнуть искру жизни даже и в истлевший труп! Как в сериале «Мертвые до востребования»!

— Господин фон Блоксберг имеет в виду, что общался с перечисленными авторитетами в астрале, — пояснил доктор Перселл.

— Ну конечно! — хмыкнул Горислав Игоревич. — Как же я сразу не сообразил. Простите мое невежество... Но вы, кажется, не закончили?

Медиум важно кивнул и продолжил:

— Да, правы были антропософы, рассуждая о блуждании человеческих душ в звездных мирах вечности и их перевоплощении в процессе бесконечной эволюции. В каждом, даже самом негодном человецишке таится эфирный двойник, существо, заботливо стоящее у пограничной черты, той, что отделяет наше сознание от сверхчувственного мира. Это таящееся в человеке духовное существо, которое одно только и есть подлинно он сам, но которое человек, тем не менее, не может познать обыкновенным, не просветленным спиритизмом сознанием — подобно тому как глаз не может видеть самого себя — есть страж порога духовного мира. Он облечен во все то, что пробуждает в нас не только заботу и печаль, но часто — отвращение и ужас. Он облечен в наши пороки. Мы сгораем от стыда, взглянув на то, чем мы являемся и во что облачен страж порога. Это наш эфирный двойник. Встреча с ним есть встреча с самим собой и, тем не менее, в действительности это встреча с иным существом духовного мира. Но лишь личность, обладающая экстрасенсорными задатками, способностями медиума, может контактировать с оным эфирным двойником и стражем порога. И такая личность перед вами. Истинно говорю вам: из миров высших черпаю я достоверные сведения, ибо они доступны мне. Но и это еще не все: информаторы мои — суть верховные духи, те, что были в земном своем воплощении столпами и светочами нашей культуры. Самолично и посредством письменных посланий обсуждают они со мной — охотно обсуждают! — важнейшие вопросы морали, гигиены, религии, науки, искусства, здравоохранения, права и т.д. и т.п... Именно их слова передаю вам я. Потому и сказанное мной надлежит воспринимать за совершенную и абсолютную истину. Через сих верховных духов установил я прочную и постоянную связь с предвечным творцом, правящим Вселенною, видимой и невидимой, его приказы исполняю... Вот в немногих словах суть предлагаемого человечеству спиритизмом. Кто мог понять меня, уже давно понял, прочие же ни на шаг оттого не продвинутся. У нас нет времени дожидаться отставших. Теперь надобно смотреть вперед. *Вперед и вверх!*

— Ах, как хорошо! Как концептуально! — голосом, сдавленным от слез, пискнула мисс Гелия. — Да, теперь я понимаю. Как я благодарна...

— А я вот, напротив, так и не понял, что же вы, в конце концов, имеете в виду под пресловутыми спиритическими феноменами? — довольно раздраженно перебил ее профессор физики. — Стуки полтергейстов? Автоматическое писание? Психотронику? Телепатию вместе с телекинезом и левитацией? Или эктоплазматические материализации?

— Все это вкупе! Все вкупе, любезный мистер Бейджнал, — поспешил предварить ответ медиума доктор Перселл. — Впрочем, чтобы убедиться в удивительных способностях господина фон Блоксберга, нам потребуются провести сеанс...

— Что ж тут не понимать?! — нетерпеливо и восторженно прошептала мисс Гелия. — Это так просто... Я теперь все понимаю. Ах, очень, очень благодарю вас! — добавила она, обращаясь к фон Блоксбергу, который вновь уже смежил веки и только что не похрапывал. — Я совершенно согласна с доктором, предстоящий сеанс все расставит на свои места. Но вот вам лучшее из доказательств. Вы, вероятно, знаете мою подругу миссис Гаппи? Так вот, представьте себе, однажды вечером во время спиритического сеанса духи перенесли ее в бессознательном состоянии из моей квартиры в Меррион-сквер в ее собственный дом на Грэфтон-стрит, 15 — что составляет три мили по прямой линии — и положили там прямехонько на обеденный стол. И, верите, ни малейшего отверстия ни в дверях, ни в потолке! А ведь миссис Гаппи одна из самых уважаемых дам Дублина, в ней без малого тридцать стоунов живого весу. Это кое-что да значит! Право, кто и после такого отказывается верить в существование духов, тому ничем не поможешь... Впрочем, я вас перебила, кажется?

— Нисколько, — ответил доктор Перселл с благожелательной улыбкой. — Сделайте одолжение. Я желал бы лишь подчеркнуть, особо обратить ваше внимание на то, что в речах моего подопечного содержится...

— Невероятная ахиня и мешанина! — громко выпалил Горислав Игоревич и решительно поднялся из-за стола. — Эдакая гремучая смесь, дьявольская каша из полоумной Анни Безант, ошамбаливших Рерихов, чокнутого придурка Штайнера, сбрендившего Аллана Кардека и... и один черт знает, кого еще!

— А что думает по этому поводу физиология? — бодро спросил Сопоткин печального физиолога, желая сгладить неприятное впечатление от бесцеремонной реплики

друга и нарушить неловкое молчание, в очередной раз повисшее после нее за столом. — Далеко ли ваша отрасль науки продвинулась в анализе человеческого сознания? Вообще возможно исследовать его эмпирическими методами или нет?

— Речь не о том — возможно или невозможно такое исследование, — грустно ответил профессор Абрахам Фицстефен, — а о том: надо ли вообще подвергать сознание физиологическому анализу? Конечно, сейчас мало кто станет исповедовать декартовский дуализм и напрочь отделять сознание от тела — каждому здравомыслящему человеку очевидно: всё, что мы подразумеваем под этим термином, есть результат функционирования нейронных скоплений в разных отделах головного мозга. Но и поныне, к счастью, нам еще далеко не до конца известно, каким способом думает мозг... Я говорю «к счастью», ибо легко себе представить, что человек, раскрывший, наконец, все секреты собственного мозга, решит улучшить его работу. Владея механизмами, он, без сомнения, начнет переиначивать, перелицовывать, дополнять либо даже *упрощать* оный на манер, который покажется ему более совершенным в сравнении с тем, что изобрела природа. И легко себе представить, что новые механизмы в самом деле окажутся лучше и рациональнее старых... Я имею в виду вовсе не пресловутые «думающие» машины, не компьютеры, а модернизацию нашего собственного «серого вещества»... К примеру, удастся создать нечто вроде коллективного сознания-разума общественных насекомых. Ведь невозможно оспорить того факта, что с точки зрения стратегии выживания таковой «разум» гораздо эффективнее нашего... Но будет ли это — усовершенствованное — сознание человеческим? Не придется ли тогда человеку покинуть сцену? Уступить подможки некоей новой сверхрасе.

— Извечный вопрос, — вздохнул Лаваль.

— Не вижу тут никакой трагедии, — заметил профессор О'Флаэрти. — Модернизация мозга! Подумаешь! К вашему сведению, человеческий мозг вовсе не предназначен для эдакого наслаждения чистым мышлением, он вообще не орган мышления, а орган выживания, как клыки или когти. Адаптация к окружающему миру — вот единственная и изначальная роль мозга. Хочешь выжить — совершенствуйся!

— Ничуть небывало, — возразил Костромиров. — Именно по той самой причине, что антропогенез направлен исключительно на выживание, никакого совершенствования мозга и человеческого интеллекта не происходит. Не происходит, ибо таковой механизм попросту не заложен эволюцией. Человек палеолита в этом плане ничуть не отличается от современного *homo*. Наша способность к решению сложных физико-математических задач или, скажем, абстрактному философствованию — не более чем приятный и совершенно необязательный бонус, отнюдь не наследуемый биологическим путем. Эйнштейны и Лобачевские не порождают суперэйнштейнов и суперлобачевских. В противном случае, когда бы мозг развивался в этом направлении, человечество давно бы состояло сплошь из одних гениев. Но ведь подобного не происходит. Скорее уж, наблюдается как раз обратный процесс... Не так ли?

— Не так! Наш мир изменяется и усложняется, следовательно, обязан претерпевать изменения и усложняться и наш мозг. С этой точки зрения создание, точнее, самозарождение нового, усовершенствованного человечества, или, если угодно, сверхрасы, не просто нисколько не трагично, но неизбежно. Да-да, именно что *не-из-беж-но*.

— *Deus in adiutorium!* То будет не рождение «сверхрасы», то будет рождение дьявола! — воскликнул румяный отец Падрейк Макферрис.

— Разве дьявол и без того не существует? — с материалистическим лукавством во взгляде поинтересовался Костромиров; он отошел к камину и теперь подавал реплики оттуда, словно опасался подхватить от сидящих за столом какую-нибудь оккультную инфекцию.

— Нет, — парировал теолог, — человечество каждую эпоху создает его нано. Впрочем, микробы зла, бактерии демонического начала извечно присутствуют в мире. Они-то и разьедают душу человека, заставляют творить себе сатанинских кумиров...

— Ага. Это понятно. А как вообще церковь относится к спиритизму и прочим оккультным «наукам»? — спросил Костромиров.

— В целом — отрицательно, а вообще — двояко, — с небольшой заминкой ответил отец Падрейк. — Конечно, церковь не оспаривает того факта, что, наряду с миром осязаемым, существует и мир невидимый. Мой уважаемый коллега уже упомянул, что само мышление — уже есть тайна, добавлю от себя, что и все движения, переживания нашей души, нашего сознания — такая же тайна за семью печатями. Наконец, имеют место быть особые формы сознания, те, что на казенном ученом языке принято называть «интраверсией мистической», вхождением внутрь. Неслучайно целые поколения христианских мистиков открывали колоссальные миры с помощью концентрации сознания, сосредоточенной и страстной молитвы. Вспомните хотя бы высокоумудрых приверженцев славного Григория Паламы — омпалопсихиев или «пупознатцев». Они явным образом доказали человечеству, что мы окружены

не только воздухом, электромагнитными полями, космическими лучами и прочей ерундовой чепуховиной. Но мы погружены в среду, доселе неведомую науке, в среду нефизическую, трансфизическую, метафизическую, *запредельную!*

Румяный профессор теологии раздумываясь еще более, жестом подозвал дворецкого, взял с подноса бокал сухого мартини, осушил его единым духом вместе с оливками, будто рюмку водки, и продолжил с возрастающим воодушевлением:

— Эта среда пронизывает все! И мироздание имеет множество планов бытия... Но многовековой опыт показывает, что эти самые, соседствующие с нашим, планы бытия не только таинственны, но и обманчивы и *очень, очень опасны!* Недаром творец сокрыл их от нас. Они открываются человеку или в состоянии великой святости, или в состоянии величайшего безумия. Потому обыкновенный мирянин должен быть огражден от этого, — единый Господь ведаёт, что может прорваться через образовавшуюся щель! Помните, астральный мир страшен для непосвященных. Разве готовы мы вторгнуться в эту сферу? Не выпустим ли в свой мир неких демонов? Как существует экология природы, так должна существовать и экология духа. Вот почему церковь возбраняет обычному человеку заниматься спиритизмом и всевозможными оккультными науками. Это с одной стороны... — сказал теолог, улыбнулся доброй улыбкой и продолжил уже спокойным тоном: — С другой стороны, невозможно отрицать, что атеизм возник из саддукейства. И те, кто не осмеливаются прямо заявлять, что Господа не существует, удовлетворяются тем, что — в качестве первого шага — отрицают существование духов и спиритизма. Потому и не грех порой тыкнуть человека носом в непознаваемое — вот, дескать, смотри, какие чудеса случаются... О себе же могу сказать, что чем более абсурдными и непостижимыми выглядят рассказы господина фон Блоксберга, тем более достоверными кажутся они мне из-за своей правдивости, пусть скептики и отрицают, что все это может быть на самом деле.

— Следует ли понимать, падре, что озвученная мистером Кланкарти гипотеза параллельной или зеркальной вселенной не противоречит вашему пониманию церковных догматов? — уточнил профессор Миллиган.

Профессор Макферрис с неудовольствием покачал головой:

— Совсем нет. Это ересь. Чудовищная ересь. Как можно допустить существование двух или более универсумов? Да еще и управляемых абсолютно разными законами! Это значило бы предположить, будто мы обитаем лишь в одном из — и неведомо которм по счету — космосов, а творец порождает континуумы просто так, между делом, от скуки или забавы ради. Печет мироздания, как блины... Да и коли наш мир есть совокупность *всего* сущего, как их может быть много? Нет, нет! Речь идет о мистических планах бытия. Нашего собственного бытия. И, соответственно, нашей же собственной уникальной и единственной Вселенной.

— Не понимаю, — пожал плечами математик, — все равно не понимаю, хоть убейте. Каким образом множественность миров или идея поливерсума вступает в конфликт с учением церкви?

— Очень просто, — вновь вступил в разговор Костромиров, который покинул свой одинокий пост возле камина и медленно прохаживался по гостиной. — Допуская подобное, мы сбрасываем человечество с пьедестала избранности, на который оно само себя возвело. Разве в состоянии мы признать себя некоей случайной флуктуацией? Не венцом творения, а его побочным продуктом. Не вершиной мироздания, но его ничтожной песчинкой. Наша собственная чванливость и гордыня никогда этого не позволяют.

— Совершенно верно, — с улыбкой подтвердил отец Падрейк Макферрис. — Только это не гордыня, а *вера*. Вера и здравый смысл.

— Феерично! — воскликнул Горислав Игоревич. — Церковь всегда славилась умением совмещать несоместимое, но союз трансценденции со здравым смыслом — это, на мой взгляд, уже чудесно, это противоестественно.

— Простите, — перебил его Миллиган и продолжил, обращаясь к теологу: — Я, разумеется, понимаю: «*Roma locuta, causa finite*». Но ваше заявление совершенно нелогично! Подумайте: рассуждая подобным образом, вы тем самым ограничиваете творца в его атрибутах. Как быть, к примеру, со всемогуществом? Вы что же, хотите положить оному некий предел? Допустить, что всеильный демиург, властелин бесконечностей, *должен был* довольствоваться одним единственным — пускай тоже бесконечным — космическим детищем? Посвятить ему все внимание, все силы, все свои неисчерпаемые потенции? Не церковь ли учит нас, что Господу достаточно подумать: «Да будет!» — и вот оно уже есть. Ибо нет предела его могуществу, а значит, и фантазии.

— Ох, уж эти мне математики, — с прежней добродушной улыбкой вздохнул отец Падрейк. — Как страшится противоречий ваш логический ум! Насколько опасается нарушения пресловутых причинно-следственных связей. Но теология не боится

парадоксов, она на них зиждется, хотя и не взыскует намеренно... И кстати, что мешает вам представить всемогущего творца, всемогуще ограничивающего собственное всемогущество?

Глава третья

КОЕ-ЧТО О ТОМ, КАК НЕПРИЯТНЫ И ДАЖЕ ОПАСНЫ БЫВАЮТ ПОРОЙ СПИРИТИЧЕСКИЕ СЕАНСЫ

— Джентльмены, — прервал спорящих доктор Перселл, — коль скоро вы желаете *endlich* приступить к сеансу, настало время создать для этого некоторые минимальные условия, соответствующую атмосферу. Да и моему подопечному нужно подготовиться.

Декан Бакли подал знак дворецкому, и тот быстро убрал со стола блюда и приборы. По настоянию доктора были унесены и все подсвечники, кроме одного, три свечи которого доктор собственноручно заменил другими, черного воска. Обширная гостиная погрузилась в полумрак. Впрочем, фигуры и лица сидящих за столом виднелись достаточно отчетливо.

— Но почему нужна темнота? — недовольно поинтересовался О'Флаэрти.

— Хе-хе! Темнота? — с неизменным смешком переспросил доктор Перселл. — А потому, что темнота есть одно из условий, при которых проявляется медиумическая энергия. Так же как определенная температура есть условие известных проявлений химической или динамической энергии.

— Однако я сам читал в одном из ваших же интервью, будто соблюдение темноты более не является принципиальным положением, — не унимался биолог.

— Это правда, — согласился доктор Перселл после незначительной паузы. — Еще Хоум — величайший медиум всех времен — оказался способен пренебречь этим требованием. Благодаря исключительной силе своей ментальной ауры. Но мы забываем, что пошел он на сей шаг только для того, чтобы противостоять злокозненному распространению *имитации* спиритических явлений. В то же время, даже он не отрицал факта, что темнота скорее, чем свет, и сухость скорее, нежели влажность, благоприятствуют положительным результатам спиритического сеанса. И это обстоятельство только лишний раз подтверждает, что спиритические явления подчиняются определенным физическим законам.

— Так вы все-таки склонны относить спиритизм к научным дисциплинам? — уточнил Кланкарти. — Не к роду новой религии?

— Как же иначе, любезный профессор? — доктор с комичной серьезностью развел короткими пухлыми ручками. — Как иначе? Безусловно, это род эмпирического знания.

— Позвольте, но и я, так же как О'Флаэрти, не поленился изучить перед сегодняшней встречей некоторые ваши статьи и интервью, — возразил астрофизик, — в них вы прямо утверждаете и даже настаиваете, что феномен спиритизма, духоведения или «карденизма» есть не что иное, как грядущая всемирная, по-настоящему экуменическая религия, ибо является основанием и доказательством всех религий.

— Правда?... — на секунду могло показаться, что Перселл смутился, но тут же последовало привычное хихикание: — Хе-хе! Возможно, мистер Кланкарти, весьма возможно!.. Видите ли, в последнее время от многочисленных наших последователей, тех, кто увлечен сбором фактов о телепатии, экстрасенсорных способностях и прочем, действительно можно услышать мнение, будто практическая невоспроизводимость большинства этих явлений обусловлена самой их природой — крайней редкостью людей, наделенных таковыми талантами, и приближающейся к нулю слабостью проявления оных у остальных прочих человеческих индивидов. Дескать, эта особенность и выводит изучаемые эффекты из круга традиционной, строго количественной науки. Исповедуемое последней требование обязательной воспроизводимости опытов закрывает, мол, для нас обширные области принципиально новых явлений... Вероятно, именно эту точку зрения я и имел в виду... Согласитесь, она также не лишена обоснованности.

— Не соглашусь, — ответил астрофизик. — С такими высказываниями никак нельзя согласиться. Выделение слабых и редко встречающихся событий из забивающего их фона — обычная, рядовая задача любого научного исследования. Другое дело, что создать такую систему фильтрации — задача не из легких. Но в том-то и состоит искусство экспериментатора. Зато именно отфильтрованные, очищенные от фона результаты наблюдений только и могут считаться устойчивыми. Не мне вам объяснять, что если такого не случается и экспериментальные данные меняются от опыта к опыту, это означает, что мы имеем дело не с научно доказанными фактами, а всего лишь с фоновыми флуктуациями. Последние же никак не могут являться объектом научного изучения. Невоспроизводимые явления не суть субстрат естествознания.

Изгоняя их из области своих интересов, наука руководствуется не доктринерством и не скептицизмом, а лишь присущим ей методом. Если угодно, в «закономерность» неустойчивых случайностей можно верить, но изучать... Увольте.

— Спиритизм — отнюдь не туманная вера или смутная надежда! Повторяю: это строго научная дисциплина. Дисциплина, базирующаяся на неоспоримых фактах, основанных на законах очевидности.

— Не совсем понял, о каких таких «законах очевидности» вы изволите толковать?

— Согласно этим законам, если множество независимых друг от друга свидетельств дают хотя и не тождественные, но сходные утверждения, то таковые утверждения имеют право считаться истинной, непреложной истиной! — было заметно, что доктор Перселл, против обыкновения, слегка разгорячился.

При сих словах адепта эмпирического духоведения Костромиров, который после тушения света также вынужден был занять свое место за столом, больно ткнул Константина Петровича локтем в бок и произнес театральным шепотом:

— Ага! Помните наш сегодняшний разговор?

Сопоткин только сдавленно охнул, ответить же ничего не успел, ибо аккуратно в это самое мгновение между ним и историком протиснулась чья-то голова.

— Месье Костромирофф, — прошептала голова, оказавшаяся сидящей на плечах профессора психологии Жака Лавалья. — Сэр! Мне нужно переговорить с вами *au secret*, приватно...

— Всегда к вашим услугам, коллега, — также вполголоса ответил Горислав Игоревич. — Но, может быть, время терпит до окончания сего... хм... мероприятия?

— В том-то все и дело, — ответил Лаваль и подозрительно покосился в сторону Константина Петровича, — меня как раз терзают смутные сомнения относительно предстоящего сеанса. Вернее, меня беспокоит его распорядитель... Впрочем, вы, вероятно, и сами заметили... Такого рода *mauvaise plaisanterie*, эдакие дурные шутки недопустимы. Во всяком случае, в приличном обществе... Или вы тоже участвуете в этом спектакле?

— Вы говорите загадками, мой друг, — отозвался Костромиров. — Относительно определения предстоящего сеанса столоверчения (или какими там еще фокусами нас собираются угощать?) я с вами полностью солидарен, но, уверяю вас, сам я не имею к оному глупейшему вздору ни малейшего отношения.

Перешептывание Лавалья с Костромировым неожиданно прервали волшебные звуки торжественной органной музыки, полившиеся из невидимых динамиков. Вероятно, декан Бакли решил создать подходящую атмосферу для сеанса.

— Господи Боже, что это за шум? — подал голос внезапно очнувшийся Александр фон Блоксберг.

— Это Бах, — растерянно пробормотал Алоиз Бакли. — Я полагал... слышал... прочел в одном из ваших интервью, что во время сеанса необходимо...

— Да хоть Гендель, — прервал декана медиум. — Немедленно выключите. Ужасная какофония.

— Прошу вас, уважаемый сэр, — вмешался доктор Перселл. — По целому ряду причин мой подопечный не выносит музыки. С недавнего времени. Совершенно не выносит. *Absolut! Durchaus!* Она может лишь помешать его выходу в астрал и контакту с тамошними обитателями.

— Как угодно, — холодно ответил взявший себя в руки декан (сам он обожал Баха), подал очередной знак маячащему в темноте дворецкому, и музыка немедленно стихла.

Между тем доктор Перселл взял со стола единственный подсвечник, отнес его в конец помещения и поставил на каминную полку, прямо перед висящим над ней огромным тусклым зеркалом в многофигурной золоченой раме эпохи Регентства. Теперь весь свет в гостиной сконцентрировался в одном месте. Впрочем, из-за странного оптического эффекта создавалось впечатление, будто старинное полуслепое стекло не отражает, а, наоборот, высасывает из зала и слабый блеск свечей, и багровые блики пляшущих языков пламени камина. Затем доктор подошел к своему подопечному и что-то прошептал тому на ухо; фон Блоксберг медленно поднял смеженные было веки, отверз зеницы и стал недоуменно крутить головой, озираясь по сторонам, точно потревоженный в неурочный час филин. Доктор вновь зашептал, на сей раз громче и нетерпеливее; было слышно, что он настойчиво предлагает фон Блоксбергу пройти к камину; тот лишь раздраженно пожал плечами, но с места не тронулся. Тогда Перселл подхватил медиума под руки, сам отвел его в торец гостиной и бережно, словно слепого, усадил в глубокое покойное кресло напротив каминной решетки, то самое, в котором еще недавно преподобный Падрейк Макферрис нежил свой ревматизм.

После таковых передвижений доктор Перселл опустился перед медиумом на одно колено, протянул почти к самому его лицу короткие пухлые ручки и принялся

совершать ими замысловатые пассы. Со стороны он весьма походил в этот момент на лохматого филистимлянина, поклоняющегося своему мушинуму богу.

— Отвратительная клоунада, — проворчал Костромиров, потом повернулся ко все еще нависающему над ним и Сопоткиным профессору психологии и заявил: — Я полностью в вашем распоряжении, коллега. Полагаю, эта парочка еще не скоро закончит кривляться.

— Конечно, не исключено, что я ошибаюсь, — начал Лаваль по-прежнему шепотом, — быть может, у меня чересчур разыгралось воображение и инстинкт психолога на сей раз меня подводит... Но разве вам не показалось, что наш уважаемый распорядитель не кто иной, как...

— Джентльмены, — раздался над столом вкрадчивый голос; оказалось, что доктор Перселл уже покончил с введением в спиритический транс своего подопечного и теперь стоял у стола, как раз напротив Костромирова и его собеседника, сверля их из полумрака взглядом маленьких, хитрых и блестящих, будто у кота, глазок. — *Moment mal! Unum punctum!* Минутку внимания!

— Не кто иной, как шарлатан? — переспросил Горислав Игоревич, не обращая внимания на призыв доктора. — Чему же тут казаться? Это очевидно. Или вы имеете в виду декана? Но тут, скорее, случай... — Костромиров не договорил, ибо заметил, что голова профессора Лавалья больше не высовывается из-за плеча Сопоткина; нервный француз исчез столь же внезапно, как и появился.

— Итак, леди и джентльмены, — продолжал между тем доктор, — мы готовы наконец приступить к нашему, с позволения сказать, маленькому эксперименту. Но прежде мне необходимо уяснить, с кем из духов вы желаете пообщаться...

— Следовательно, речь идет все-таки о вызове духов? — поинтересовался О'Флаэрти.

— О да! Сегодня вам несказанно повезло! — голос доктора стал напоминать интонациями восторженный речитатив ярмарочного зазывалы. — Несказанно! Именно в настоящий момент аура моего подопечного наиболее восприимчива к контактам с эктоплазматическими субстанциями. А это, прошу учесть, случается *nicht so oft*, совсем не каждый день. О, совсем, совсем не каждый! Ибо достижение удачного контакта требует, с одной стороны, определенного настроения, психической предрасположенности медиума, а с другой, зависит от сложнейших флуктуаций и пертурбаций духовного эфира, могучих завихрений теургической энергии.

— Ах, как интересно! — пискнула в темноте мисс Гелия. — Я уже чувствую эти пертурбации и эти флуктуации. Я уже вся вибрирую. Как рояльная струна! Как эолова арфа!

— Так что же, все ограничится пресловутыми стуками? — спросил отец Макферрис с явным разочарованием. Среди прочих гостей также послышался недовольный ропот.

— *O nein!* Никаких стуков! — поспешил успокоить присутствующих доктор Перселл. — Абсолютно никаких! Господин фон Блоксберг совершенно уникальный в этом смысле медиум. Он — натуральный тавматург, шангу и, если угодно, херихеб и повелитель куханитов Баал-Решефа в одном лице. Обе жизненные его энтелехии способны покидать на время свое мрачное телесное узилище, свободно блуждать в загадочных интермундиях между мирами, обмениваясь улычками приветов со встречными генадами Прокла и попутными идеями Платона. Ему доступно то, что недоступно никому более... Или, вернее, доступно очень малому, ограниченному кругу посвященных... Да, леди и джентльмены, узок круг сих посвященных, страшно далеки они от прочих человеческих особей, от забот нашего суетного тварного мира. Зато и многое дано им, многое открыто... Разве что одни адепты Гималайского братства, махатмы и великие иерофанты света, обитающие в потаенных подземных ашрамах горных массивов Индии и Тибета, способны... — кто-то из ученых мужей громко и совсем неделикатно кашлянул. В темноте было не разобрать, кто именно, но Константину Петровичу показалось, что это декан Бакли решил предотвратить очередной пространный экскурс в глубины эзотерики. — Впрочем, оставим в покое личность нашего уважаемого медиума, — понял намек доктор, — и вернемся к заданному мною вопросу. Так с кем же из духов вам желательнее всего вступить в общение? Имеются ли у кого-нибудь из присутствующих некие личные предпочтения, особые пожелания? Быть может, кто-то недавно потерял близких, родственников, знакомых, друзей или, напротив, — хе-хе! — недругов?..

— Но, доктор, — напомнил профессор Кланкарти, — нам все еще не до конца понятно, то есть вы так и не объяснили, в чем же конкретно будет выражаться это самое общение? Если не студи, то что?

— О, это всегда по-разному, — ответил доктор Перселл. — Всегда чуть-чуть по-другому. Сложно предугадать наверняка. Но, полагаю, нынче души умерших смогут

говорить с вами через самого медиума. Так сказать, непосредственно и вербально.

— Однако почему мы узнаем, что с нами общаются именно души умерших? — вновь спросил Стивен Кланкарти. — Как удостоверимся, что это говорит, к примеру, адский дух моей покойной и абсолютно безумной тетушки Меган или не менее злоедейский призрак моего преставившегося от кататонической шизофрении дядюшки Хамфри, а не вполне себе живой и, хочется надеяться, здоровый мистер фон Блоксберг?

— Хе-хе! Будьте покойны, удостоверитесь, — осклабился доктор. — Едва начнется сеанс, сомнения ваши рассеются *wie ein gewisser Rauch*, как дым, как тень дыма, всего лишь пригрезившаяся тень дыма! В противном случае, «мы вернем вам ваши деньги» — так, кажется, принято выражаться в приличном обществе?

— Ах, ради Бога, господи! — в нетерпении воскликнула мисс Гелия; теперь она не пищала и говорила густым грудным голосом, почти контральто (вероятно, неуклонное возрастание медиумических колебаний вызвало сильнейший резонанс в ее тонкой душевной организации): — Полноте, не довольно ли вопросов? Вы спугнете готовящиеся проявления оккультной энергии, упустите момент.

— И в самом деле, пора бы начинать, — поддержал ее молчавший до сих пор профессор Миллиган. — Эдак мы к полуночи не управимся.

Прочие представители ученого сообщества выразили свое согласие невнятным, но одобрительным бормотанием.

— Итак, как я понимаю, — начал было доктор Перселл, — мистер Кланкарти выказал намерение воззвать к душе кого-то из своих горячо любимых...

— Упаси господи! — со смехом оборвал его астрофизик. — Я вовсе не горю желанием встретиться с кем-то из драгоценных родственников! По крайней мере, ранее уготованного мне срока. Все они и при жизни не отличались особой добропорядочностью. Проще говоря, были либо настоящими старыми сквалыгами, либо маниакальными параноиками. Могу себе представить, как отразилось на их нраве пребывание в «юдоли той, где муки без конца и лютый жар».

— Особенности характера зачастую наследуются, — едко заметил О'Флаэрти. — А шизофрения косит порой целые семейства.

— Может быть, — легко согласился Кланкарти. — В любом случае, я — пас. А вот вы, Фергус, вы вполне можете поэкспериментировать с тенями пращуров. Кстати, есть возможность заодно проверить теорию естественной эволюции. Ну как в роду у вас обнаружится что-нибудь эдакое, неслыханное и необыкновенное? Не удивлюсь, если окажется, что все О'Флаэрти происходят от помеси ехидны с василиском. Разумеется, *чисто случайной* помеси.

— Это что, остроумно? — поинтересовался биолог.

В ответ Стивен Кланкарти лишь язвительно фыркнул.

— Смеею напомнить, — вмешался доктор Перселл, — что обитатели астрала не суть точные копии умерших личностей. Кажется, мистер фон Блоксберг довольно подробно останавливался на этом аспекте.

— Что вы имеете в виду конкретно, доктор? — тон профессора Миллигана был раздраженным. — Ваш подопечный много чего тут нам наговорил.

— Я лишь хочу сказать, что призванный вами эфирный двойник вполне может оказаться, как много симпатичнее своего прежнего земного воплощения, так и гораздо более неприятным, нежели при жизни. Хе-хе! Проще говоря, злым, отталкивающим и отвратительным. Последнее, впрочем, наиболее вероятно. Я сужу по опыту.

— Ба! Этого еще не хватало! — казалось, Кланкарти развеселился еще сильнее. — Пожалуй, Фергус, нам с вами обоим стоит отказаться от мысли взывать к неприкаянным душам родственников. Тут такое может начаться... Эдак и до беды недалеко. Явится вурдалак какой-нибудь эфирный, ментальный упырь с депрессивным расстройством личности...

— Ай, ай! Я уйду! — голос мисс Гелии обрел прежний писклявый тембр.

— О, не стоит так волноваться, — заверил ее доктор. — Поверьте, моя дорогая *Frau*, не стоит. Я сам — я, Джеймс Бальтасар Арчибальд Перселл, буду вашим верным рыцарем и защитником. Никакой страж порога не осмелится тронуть и волоска на вашей прелестной головке... Вместе с тем, джентльмены, возможно, стоит подумать о выборе такой духовной субстанции, чья тварная оболочка была бы знакома не одному-двум, а сразу нескольким участникам сеанса...

— Давайте уже, в конце концов, что-нибудь решать! — не выдержал профессор Миллиган. — Не знаю, как вам, а мне лично порядком осточертело сидеть тут в темноте. Чувствуешь себя тараканом, затаившимся в ожидании инсектолога.

— Коллеги, — неожиданно взял слово декан Бакли, — вам не кажется, э-э-э... раз уж мы с вами решили прибегнуть к ремеслу аэндорской волшебницы... коль скоро готовы принять... склонны, так сказать, следовать определенным устоявшимся

нормам и прецедентам... Короче говоря, вам не представляется, что мистер Перселл совершенно прав и для чистоты эксперимента следует обратиться к духу такой личности, которая была бы известна каждому из нас? Абсолютно каждому. Разве это условие не позволит любому из присутствующих составить собственное мнение и сравнить его с впечатлениями остальных? Разве не облегчит самое опознание духа?.. Само собой, буде таковой вообще явится.

На несколько мгновений в гостиной повисло молчание, свидетельствующее о напряженной работе коллективной мысли. Затем заговорили все разом, перебивая друг друга:

— Весьма здравая идея! — воскликнул профессор теологии. — И почему, спрашивается, мы не додумались до этого сразу?

— В самом деле, — не без иронии поддержал его профессор О'Флаэрти, — что может быть *разумнее*?

— Но позвольте, у нас с вами, слава Богу, нет общих родственников! — возразил профессор Кланкарти. — Да и ни у кого из присутствующих тоже, насколько мне известно.

— Боже, Стивен! При чем тут какие-то родственники? Раскиньте мозгами, речь идет о любом знакомом покойнике..

— Ах, как славно! Наконец мы сможем приступить, — мисс Гелия вновь изменила тональность, придав на сей раз голосу нежный зефирный шелест. — Мистер фон Блоксберг уже минут пять как в транс. Взгляните, как он обворожительно бледен! Вы ощущаете, какое мощнейшее истечение биотоков? Как он вибрирует! Ах, я чувствую, нас ждет нечто совершенно удивительное, нечто сверхъестественное, непредсказуемое, восхитительное...

— Но, коллеги, я не припомню, чтобы в последнее время мы с вами провожали в последний путь хоть кого-то из общих знакомых, — умерил восторг экзальтированной дамы профессор Бейдженал. — Например, на моем, физическом, факультете все обладают просто несокрушимым здоровьем. К сожалению, у нас уже лет десять никто не умирал. С тех пор как напиваться каждую пятницу до бесчувствия вышло из моды, все наши преподаватели демонстрируют поистине удручающую живучесть. Никакой ротации кадров, сплошной научный застой.

— Что за кладбищенский юмор, Бейдженал! — возмутился Лаваль. — Смотрите, *top ami*, накликаете на *alma mater* моровое поветрие. Впрочем, вынужден признать, что и среди психологов здоровый образ жизни нынче в чести. Так что и у меня нет подходящих кандидатур для спиритических манипуляций... А как у вас, Фицстефен?

— Вам хорошо известно, что единственный настоящий физиолог в Тринити — это я сам, — ответил профессор Фицстефен и тяжело вздохнул. — На моей кафедре трудятся еще шестеро аспирантов. Но их предпочтительнее бы использовать в качестве подопытных животных, а не преподавателей. Очень спортивные, жизнерадостные, но абсолютно бездарные молодые люди. Случись даже кому-то из них помереть, общение с душами этих лакедемонян от науки ограничилось бы обсуждением заездов на скачках в Курраге да сравнительным разбором последних розыгрышей Кубка Уокера.

— Может, вы оставите, наконец, похоронную тему? — вмешался Миллиган, с тревогой щупая свой пульс. — У меня от таких рассуждений мурашки по телу.

— Не следует драматизировать, дети мои! — проникновенно воскликнул отец Падрайк Макферрис; казалось, он вещает с церковной кафедры. — Смерть есть величайший дар всевышнего, не что иное, как путь к новой, вечной жизни. Боящийся смерти уподобляется узнику, который отвык от свободы в результате длительного заключения и страшится увидеть солнечный свет. В земной кончине нет решительно ничего страшного, мы сами набрасываем на нее призрачный полог ужаса, зловещий флер ненужной театральности. Да-да, именно сами! Своими стонами, слезами, трауром и прочими вспомогательными средствами. О, будь моя воля, я запретил бы все эти мрачные похоронные процессии, марши, все эти вопли и стенания. На тризне надлежит радоваться! Славить Господа за его милосердие. Песни и веселые танцы — вот в каком сопровождении нуждается счастливец, избавившийся от греховных стигматов тварного мира, отряхнувший прах суетности и тления со своих ног, сбросивший бранные оковы сей юдоли забот, тревог, волнений и печалей... И не сказано ли: «Да не скорбит сердце твое о том, что случилось... О живущие, отложите печаль, позабудьте скорбь, проводите остаток времени вашего в радости! Блажен следующий велениям сердца своего вовек, не падайте духом...»

— Надеюсь, преподобный, — холодно прервал профессора теологии Фергус О'Флаэрти, — вы успели сделать соответствующие распоряжения на случай собственной кончины. С удовольствием спляшу джигу на ваших поминках.

— Короче говоря, среди наших общих знакомых также нет подходящих кандидатов для месмерических опытов, — подытожил Кланкарти.

— Так что же нам делать? — плаксиво спросила мисс Гелия. — Где же мы теперь найдем пригодного для опытов покойника? Ведь живые тут не годятся?

— О, не стоит расстраиваться! — вновь взял слово доктор Перселл. — По моим наблюдениям, душа способна порой отлучаться даже из вполне жизнеспособного тела. Временно отлучаться. Последователи Сведенборга верят (и сокровенная наука с ними в этом согласна), что оставление живого тела душою происходит значительно чаще, чем мы думаем. И каждый из нас чуть ли не ежедневно наталкивается на такие живые трупы. Это явление может быть вызвано различными причинами, и среди них неодолимый страх, отчаяние, сильнейший экстаз или неумеренное увлечение спиртным и религиозными практиками... Трудность лишь в том, чтобы уловить, поймать этот момент несанкционированной самовольной отлучки... Да, это чрезвычайно трудно...

— Ну что ж, — вздохнул профессор Бейдженал, — придется, вероятно, действовать по старинке, так, как действовали во все времена все прочие спириты, и вызывать дух какого-нибудь Наполеона или, на худой конец, Сократа.

— Ну уж нет! — возмутился желчный О'Флаэрти. — Каждый неуч или проходец может сыграть дух Сократа. Полагаю, даже вам, Бейдженал, такое по плечу. Ведь знание греческого при этом совершенно необязательно. Духи имеют обыкновение вещать на языке петиционеров. Астральные сферы выше законов лингвистики... Говорят, когда в прошлом году несколько энтузиастов вызвали дух известного всем грамматика Линдли Марри, тот принялся изъясняться на чистейшем сленге гарлемского обитателя, да еще и в рифму — медиум оказался негром, то есть афроамериканцем, чуть ли даже не рэпером, и родом как раз из черного района Нью-Йорка... Нет, нет! Раз уж мы решили провести нечто вроде научного эксперимента, необходимо и действовать соответствующим образом. Не как группка восторженных энтузиастов, а как серьезные исследователи.

— Что вы, собственно, предлагаете? — поинтересовался Кланкарти.

— Думать, — коротко ответил профессор О'Флаэрти и действительно погрузился в размышления.

— Быть может, джентльмены припомнят какого-нибудь коллегу, который не то чтобы совсем умер, но хотя бы пропал? — осторожно спросил доктор Перселл. — Мне кажется, я чувствую здесь некоторую атмосферу смутного беспокойства и не до конца осознанной тревоги. О да! Беспокойство прямо-таки витает в воздухе. А тревога сгущается над головами. Налицо явная активность элементаров, неуспокоенных или не успевших развплотиться душ... Не исчезал ли в последнее время кто-нибудь из ваших ученых сослуживцев?

— Из ученых? То есть преподавателей? — переспросил Кланкарти. — Ерунда! Никто у нас никуда не исчезал.

— *Dieu, c'est un peu trop fort*, — пробормотал профессор Лаваль. — Ну, это уж слишком.

— Черт побери! — неожиданно вскричал О'Флаэрти. — А ведь доктор прав! Мы позабыли про нашего славного библиотекаря, забыли о коротышке Шоне Макгрогане.

— Обессменном хранителе Старой библиотеки? — удивился профессор Миллиган. — А что такое стряслось со старинной Шоном? Мне ничего неизвестно.

— Он уже третий день как пропал неизвестно куда, — ответил за биолога декан Бакли. — На службе не появляется, дома его, как выяснилось, тоже не видели невесть сколько времени. Короче говоря, пропал, исчез, растворился, как в воду канул... Ректор, по-моему, еще не обращался в полицию, считает, что достаточных оснований для этого покуда нет, хотя повод для беспокойства и имеется. Но если Макгроган не объявится и завтра, придется задействовать силы правопорядка.

— Совершенно верно, — откликнулся Костромиров, — Я должен был увидаться с Шоном вчера вечером в Чейплизоде, близ Феникс-парка; он еще в четверг попросил меня о встрече, и мы уговорились на шесть вечера в субботу. Я прождал несколько часов, но он так и не явился. Очень странно. Действительно, очень. Учитывая его обычную пунктуальность... Но полиции уже известно о его исчезновении. В силу целого ряда причин, я принужден был поставить ее в известность.

— Ах да, мы и правда слышали краем уха о ваших с мистером... э-э-э... Зофоткиндркладбищенских приключениях, — заметил профессор О'Флаэрти. — Кажется, вы оказались невольными свидетелями не то ограбления, не то осквернения могил или чего-то в этом роде? Полиция уже побывала в библиотеке, опрашивала служащих. Даже со мной беседовал один из детективов. Вроде бы я — последний, кто видел коротышку Шона во плоти в пятницу утром. Спустя короткое время он как раз и испарился чудесным образом, прямо из запертого кабинета... Впрочем, о вас тоже спрашивали. То есть именно о вас главным образом и спрашивали. Почему-то детектива особенно интересовал вопрос, действительно ли вы такой первоклассный специалист, как о том пишут. Я направил его на исторический факультет...

— Что? Как? Невероятно! — встрепенулась мисс Гелия; стекла ее очков хищно блеснули в темноте яркими радужными блестками. — Совершенно невероятно, что я ничего обо всем этом не знаю! Как такое могло случиться? Ах, мистер Костромирофф, — продолжила она обворожительным меццо-сопрано, — вы просто обязаны все подробнейшим образом мне рассказать. Это ваш прямой долг передо мной и наукой, и я просто убеждена, что вы чрезвычайно, невероятно приятный собеседник. Все русские такие невероятно приятные собеседники. А я невероятно впечатлительна. После сеанса я в полном вашем распоряжении... Таинственные исчезновения! Осквернение трупов! Некрофилия! Черная месса! Боже, какая прелесть. Какое мужество!..

— Спятить можно, — с плохо скрытой злостью, но, к счастью, по-русски, бросил Костромиров куда-то в пространство. — Кто-нибудь знает, как перекрыть сей журчащий поток?! Экая несносная баба... Нет, спорьте сколько угодно, а все-таки Лот был счастливейшим из мужей, — ни к селу, ни к городу добавил он, обращаясь уже к Константину Петровичу. Тем более, что последний вовсе и не думал спорить.

— Итак, на чем мы остановимся, джентльмены? — спросил доктор Перселл с ноткой нетерпения в голосе. — Каково ваше окончательное решение? Вы желаете вызвать дух библиотекаря? Мистера... мистера...

— Шона Макгрогана, — подсказал декан Бакли.

— *O ja! Das ist doch klar!* Конечно. Отличный выбор. Отличный. Если даже, паче чаяния, дух и не явится, вы сможете удостовериться, что с вашим коллегой ничего плохого не случилось.

— Кажется, вы упомянули, будто вызывать можно души не одних только мертвых, но и живых людей? — напомнил Кланкарти.

— Верно. Однако, как я уже сказал, положительный результат в таком случае не гарантирован, то есть достигим, но далеко не всегда... Ну что ж, приступим? Прежде всего, мне — точнее, нашему медиуму — потребуется какая-нибудь вещь, принадлежащая этому мистеру Макгрогану. Я правильно запомнил фамилию? Отлично... Какая-нибудь безделица, которую он имел хотя бы некоторое время при себе... — Горислав Игоревич достал из кармана и молча протянул доктору Перселлу кусочек картона; тот проворно схватил его и поднес к глазам: — Ага, визитная карточка. «Д-р Ш. Макгроган. Университетский коллеж, Дублин». *Nun gut*, может, и согдится. Хотелось бы, конечно, что-нибудь более индивидуальное, носящее, так сказать, отпечаток физических эманаций владельца...

Доктор Перселл окинул вопросительным взглядом стол, но никто из присутствующих не откликнулся, тогда он пожал плечами, сунул визитку в нагрудный карман пиджака и заявил, что теперь готов, наконец, немедленно приступить к столь долго откладываемому сеансу.

Дальнейшие действия доктора многим наблюдателям показались довольно спонтанными, если не сказать, беспорядочными. Сперва он быстрыми семенящими шажками пересек гостиную, снял со столика возле двери небольшой кофр коричневой кожи, который оставил там при входе в залу, и принялся рыться в нем. Распихав какие-то невидимые в полутьме мелкие предметы по карманам, он достал еще нечто круглое, размером с волейбольный мяч, и такой же суетливой походкой вернулся к столу. Здесь он сбросил укутывавший сей неведомый предмет кусок черного бархата, и все увидели в руках у него почти прозрачный хрустальный шар. Костромиров презрительно хмыкнул и прошептал на ухо Константину Петровичу: «Ну как же! Пресловутый магический кристалл. Куда без него!» Шар не был гладким, поверхность его состояла из множества мелких плоских граней, тускло поблескивающих и переливающихся оттенками разных цветов. Перселл протиснулся между Лавалем и Фицстефеном, установил приблизительно в центре стола небольшую металлическую подставку, а на нее уже со всей осторожностью водрузил шар. Затем он подбежал к по-прежнему застывшему у камина фон Блоксбергу, ухватился обеими руками за спинку кресла, развернул оное к зрителям и передвинул футов на десять ближе к столу. Так чтобы лицо медиума стало более-менее отчетливо видно всем сидящим.

Проделал он это на удивление легко, что, безусловно, свидетельствовало о недюжинной физической силе коротышки-доктора — изукрашенное резьбой кресло, как и всякий предмет мебели, вышедший из мастерской Томаса Чиппендейла, на вид было весьма массивно. Константин Петрович подивился по себе, отчего тот не произвел сей маневр сразу, до того, как усадить рослого медиума. Последний, между тем, во время всех указанных манипуляций даже не шевельнулся — глаза его по-прежнему оставались плотно закрыты, а на лице не дрогнул ни единый мускул, но из-за причудливой игры света и тени бледный лик его с темными провалами вместо глаз стал разительно напоминать теперь мумифицированную голову какого-нибудь Рамзеса, Аменемхета или иного невольного постояльца Каирского музея.

После этого доктор Перселл на пару минут замер в задумчивости на месте, затем

опять подскочил к столу и принялся двигать туда-сюда подставку с хрустальным шаром; наконец, добившись, чтобы редкие рассеянные лучи и блики света от камина и свечей падали прямо на его ребристую поверхность и мелкие грани «магического кристалла» засверкали всеми оттенками радужного спектра, он удовлетворенно кивнул и вернулся к застывшему в подобии летаргического сна медиуму. Здесь он вытаскил полученную от Костромирова визитку Макгрогана, вложил ее в скрещенные ладони Александра фон Блоксберга, что-то прошептал тому на ухо, совершил над его лысым челом еще несколько замысловатых энергичных пассов и медленно отошел в сторонку.

— А теперь прошу всех присутствующих постараться максимально сосредоточиться и направить свои помыслы на покойного... о, тысяча извинений! *Entschuldigen Sie mir bitte!*.. на пропавшего мистера Макгрогана... Думайте только о нем, отбросьте посторонние мысли. Отриньте прочь тревоги и суетные волнения... Забудьте о снедающих вас сиюминутных заботах и печалях... Обратите взоры свои вглубь волшебного шара, любуйтесь его завораживающим сиянием и думайте о Шоне Макгрогане, думайте, думайте, думайте... — голос маленького спирита постепенно переходил в монотонный речитатив, звучал все глуше и в то же время настойчивее. И как это часто бывает даже с людьми, нимало не верящими во всевозможные психологические кунштюки и не ставящими ни во грош алчную армию наживающихся на нас шарлатанов-психоаналитиков, многие из сидящих за столом невольно постарались выполнить пожелание доктора и мысленно представить себе хранителя Старой библиотеки: крошечного, тощего и юркого человечка лет шестидесяти, который вот уже четверть века занимал эту почетную должность. Впрочем, несмотря на таковые усилия, несколько минут ничего особенного не происходило. То есть абсолютно ничего. Профессор О'Флаэрти открыл уже было рот, готовясь произнести очередную исполненную ехидства тираду, когда заметил, что губы Александра фон Блоксберга чуть дрогнули, сомкнутые веки слегка затрепетали, а сам он едва заметно пошевелился. «Смотрите, смотрите! — сдавленно прошептала мисс Гелия. — Он хочет нам что-то сказать». Ученые мужи немедленно оторвали взгляды от мерцающего колдовскими огоньками кристалла и тоже повернули головы к подопечному доктору Персела, неожиданно подавшему признаки жизни.

И тут прямо на глазах у собравшихся в лице медиума произошла внезапная и замечательная перемена...

Глава четвертая

ПРИЗВАННАЯ ПОСЕЛИТЬ В ДУШАХ ЧИТАТЕЛЕЙ СТРАХ ПЕРЕД НЕВЕДОМЫМ

Автор вынужден признать, что не без внутреннего сопротивления, трепета и душевных колебаний приступает к описанию нижеследующих событий, ибо необходимость изложить их на бумаге (и прочувствовать таковым образом заново) заставляет впечатлительную натуру его содрогаться от отвращения, а руку — цепенеть от вполне объяснимого страха. К тому же любой читатель, невзначай добравшийся до этого места в повествовании, скорее всего решительно откажется поверить в правдивость рассказчика... Ну, так что ж? Возможно ли в данном случае воспрепятствовать вполне понятному, а оттого и закономерному скепсису? Думается, это нереально. А раз нет, то не стоит труда и ломать голову над измышлением каких бы то ни было доказательств истинности происшедшего. Да и вообще, не дело автора предаваться неуместным во всех отношениях сомнениям, его дело — просто продолжать историю, сплетая воздушное кружево вымысла из суровых нитей реальности...

Итак, в лице медиума произошла перемена: веки его медленно и плавно поднялись, обнажив желтоватые белки закатившихся под самый лоб глаз, верхняя губа словно съежилась, сжалась в размерах или, скорее, задралась в каком-то волчьем даже оскале, так что разом стал виден весь неровный частокол длинных зубов, подбородок вдруг опустился на грудь с отчетливым неприятным стуком, а из широко отверстого рта вывалился язык, казавшийся при зыбком освещении почерневшим и распухшим, будто у недельного покойника. Зрелище это оказалось столь пугающе-натуралистичным, так разительно являло собой отталкивающий образ смерти, что над столом пронесся единодушный судорожный вздох, а мисс Гелия громко взвизгнула.

Доктор Перселл вскинул руки, призывая присутствующих соблюдать тишину, и заговорил вполголоса, с еще более явным, чем прежде, иностранным акцентом, то и дело — вероятно, от волнения — вставляя в речь немецкие выражения:

— *Meine Damen und Herren!* Леди и джентльмены, убедительно прошу вас сохранять

спокойствие. Что бы вам ни довелось увидеть или услышать далее в ходе нашего опыта. Сохраняйте полное спокойствие! *Das ist sehr wichtig.* Это крайне важно. И хотя транс моего подопечного уже достаточно глубок, никакие посторонние шумы не заставят его прерваться, — с настоящего момента лишь я один в силах прекратить сей месмерический сон, — тем не менее, любые резкие звуки, движения, неосторожные мысли (особенно мысли!) могут повредить мистеру фон Блоксбергу. Ибо путешествие в сферы астрала небезопасно, грубый ментальный толчок извне способен забросить сознание медиума в столь *schreckliche*, настолько ужасные inferнальные миры и эзотерические области, что вернется он оттуда уже совершенным и безнадежным идиотом, *dumm wie Bohnenstroh*. Это ясно? *Sehr gut*, очень хорошо... *Nun jetzt*, прошу задавать ваши вопросы духу мистера Макгрогана...

С этими словами Перселл зашел за кресло, встал прямо позади фон Блоксберга и возложил ладони тому на виски — так, что пальцы его сомкнулись как раз на лбу медиума. Стало еще заметнее, сколь велика разница в росте между ним и фон Блоксбергом — несмотря на то что первый стоял, а второй сидел, волосатая макушка Джеймса Бальтасара Перселла едва виднелась из-за смертельно бледного лица его подопечного.

Прежде, нежели кто-то другой из участников сеанса решился воспользоваться любезным предложением доктора, заговорила мисс Гелия:

— Мистер Макгроган, — спросила она срывающимся от волнения голосом, — вы здесь? Вы сейчас с нами?

Ответа не последовало, но все обратили внимание, что по телу медиума пробежала легкая судорога.

Мисс Гелия успела трижды повторить тот же вопрос, и уже было отчаялась добиться хоть какого-то результата, когда высунутый на всю длину язык медиума внезапно сильно задрожал, будто гигантский гальванизированный слизень, а из неподвижных разинутых челюстей послышался сиплый, какой-то нечеловеческий и едва различимый шепот:

— Да... нет... Увы, меня нет с вами. Я не здесь — в другом месте — или в этом — пока не знаю... Но я приближаюсь... приближаюсь...

Мисс Гелия испуганно ахнула, но, несмотря ни на что, смело продолжила задавать вопросы:

— Как это, мистер Макгроган? Как это? Объяснитесь. Я не понимаю... Ах, прошу вас, расскажите нам обо всем подробно. Вы пребываете сейчас в теле господина фон Блоксберга? Воспользовались его опустевшей оболочкой? Ведь так, правда?

На этот раз ответ не заставил себя ждать; по языку медиума вновь пробежала та же странная гальваническая дрожь, и из разверстого рта послышались придушенные хрипы, неразборчивое гортанное бормотание и отвратительное прерывистое бульканье. Однако они быстро сменились глуховатой, какой-то безжизненной, даже пугающе-нездешней, хотя и вполне членораздельной человеческой речью. Между тем, Константин Петрович с удивлением заметил, что при первых же звуках сего жуткого потустороннего гласа сидящий рядом с ним Костромиров вздрогнул и резко выпрямился, а профессор Лаваль громко вздохнул: «*Mon Dieu! C'est dommage*, но это правда». Решив про себя, что даже и этих закоренелых скептиков проняла необычность происходящего, Сопоткин весь обратился в слух.

— Нет, не правда. Хотя можно выразиться и так. Но вы не о том спрашиваете, — изрек кошмарный голос. — Мне не дано касаться тайн моей тюрьмы, ибо повесть об оных — не для земных ушей...

— О чем же вас надлежит спрашивать? — перехватил инициативу у дамы преподаватель Падрейк Макферрис. — Нам хотелось бы понять, где именно вы сейчас находитесь?

Тут интонация неведомого духа вдруг совершенно изменилась, теперь он принялся жаловаться, сетовать и проникновенно вещать о нынешнем бедственном своем положении. Похоже, место, где он в настоящее время обретался, было ему абсолютно не по вкусу. Стенания его буквально разрывали сердце:

— Боже мой! Это невыносимо! Совершенно невыносимо! Горько мне! Горько! О, вы не понимаете... Где вам понять... Когда б вы знали, каково это, кровь застыла в жилах...

— Но что такое с вами происходит? — недоуменно спросила мисс Гелия. — Отчего вам невыносимо? Ответьте, мистер Макгроган.

Однако загадочное существо продолжало лишь плаксиво причитать, жаловаться и умолять о помощи, иногда переходя на подобие александрийского стиха:

— Помогите! О, помогите мне! О, ужас, ужас, ужас!.. О, как же нестерпимо тяжело! Какие невыносимые мучения!.. О, лютой жар клокочущих, неистощимых струй текучей серы! Бездонный мрак и муки в алмазновых цепях и вечном, наказующем

огне! В прибое знойном, в гжучем вихре искр! Прошу вас, умоляю, помогите!..

— *Mater dolorosa!* Да что же мы можем для вас сделать, милейший? — резонно заметил отец Падрейк. — Чем помочь? Насколько можно судить, вас угораздило попасть даже не в чистилище, а напрямиком в пекло. Неприятно, что и говорить. Но разве мы в силах как-то вмешаться, воспрепятствовать промыслу Божьему? Увы... Я, конечно, помолюсь за вас при случае, но лучше утомнитесь и ответьте-ка на парочку вопросов...

— Помогите! Прошу, не оставляйте! Увы, будь прокляты мои земные окаянства!.. Страшный пламень, сера, страдания... О, это нестерпимо, помогите... — продолжал калячить несчастный дух.

— Но как? Как мы можем вам помочь?! — вскричала мисс Гелия, в отчаянии ломая руки.

— О, сердобольная женщина! Ты и правда хочешь меня спасти? Ты готова? — с ноткой недоверия спросил неведомый голос.

— Да, готова! — горячо откликнулась мисс Гелия. — Но что, что я должна сделать? Ведь вы в ином мире?

— Надо думать, в ином! — мрачно отвечал дух. — Где же еще?

— Секундочку, — вновь вступил в разговор профессор богословия. — Мы ведь так и не выяснили покуда, с кем, собственно, имеем дело. По крайней мере, со всей определенностью.

— Но ведь он уже представился! — возмутилась мисс Гелия. — Он сообщил нам свое имя.

— Нет, — возразил Макферрис, — не сообщил. Вы сами назвали его имя.

— Кто ты, о дух? — спросил О'Флаэрти тоном провинциального трагика, играющего роль датского принца. — Ответствуй нам, несчастный житель мрака. Я небом заклинаю! Откройся, отзовись!

— Не юродствуйте, Фергус, — строго сказал профессор Кланкарти. — Этого добра тут и без вас в избытке. Попридержите свой неумеренный сарказм и ипохондрию хотя бы до конца сеанса. Мы же с вами уговорились дожидаться финала и только потом... хм... делиться впечатлениями.

— А голосом-то он и правда смахивает на Макгрогона, — заметил Бейдженал.

— Да как еще! Я просто в страхе и смятенье! — все тем же ерническим тоном воскликнул О'Флаэрти.

— Действительно, — с удивлением подтвердил профессор Миллиган, — теперь и я заметил. Один в один милейший старина Шон, хранитель пыльных манускриптов. А поначалу так противно хрипел и булькал...

Константин Петрович огляделся по сторонам: большинство из присутствующих не пытались скрыть охватившего их если и не страха, то некоторого трепета, вызванного не только и даже не столько тем, что, по всей вероятности, голос беседующего с ними духа на самом деле походил на голос мистера Шона Макгрогона (в чем Сопоткин, естественно, не имел возможности убедиться), но и способом, каким звуки генерировались гортанью и голосовыми связками пребывающего в экстатической прострации медиума. Как и вначале, единственным признаком того, что источником звуков является именно природный дыхательный аппарат Александра фон Блоксберга, было сильное дрожание и судорожное подергивание его языка всякий раз, когда он начинал говорить; челюсти и губы медиума оставались при этом, как ни странно, неподвижными. Зрелище, повторимся, не только удивительное, но и в достаточной степени отталкивающее.

Сам Константин Петрович, сперва настроенный более чем критически, в чем склонен был винить гротескную внешность обоих спиритов, обратил внимание, что в душего, помимо воли, зарождается дурное предчувствие — уж больно мерзко выглядел несомненный гипнотический транс медиума. С тем большим удивлением заметил он, что, в отличие от него, Горислав Игоревич, казалось, напротив, совершенно отошел от первоначального потрясения, расслабился, откинулся на спинку стула и теперь наблюдал за происходящим со странной, снисходительной и вместе недоуменной, усмешкой.

— Я дух того, кого вы вызывали, — послышался ответ незримого существа. — При жизни звался я Шоном Макгрогоном.

— При жизни? Значит, вы умерли? — спросил отец Падрейк.

— Безусловно, — отвечал дух.

— Как это произошло? — продолжил допытываться теолог.

— Увы, я не волен удовлетворить ваше любопытство, — вздохнул дух.

— Это еще почему? Разве вы не обязаны отвечать на наши вопросы? Не должны безусловно повиноваться желаниям и воле вопрошающих?

— Да... — словно бы нехотя прошептал голос, — но...

— Никаких «но»! Будьте любезны, отвечайте! — строго приказал преподобный Падрейк Макферрис. — Итак, как же вы умерли?

Некоторое время вновь слышны были только хрипы и мерзостное змеиное шипение, словно дух собирался с силами для ответа, наконец он проговорил с тяжелым вздохом:

— Охо-хо-ох... Убийство...

Фраза упала в тишине зловеще и многозначительно.

— Убийство? — удивленно и недоверчиво переспросил Макферрис. — Верно ли я расслышал?

— Да, убийство из убийств. Как ни бесчеловечны все убийства.

— Быть того не может! Не верю ни единому слову! — сердито воскликнул Стивен Кланкарти. — Кому понадобилось... Кому могло взбрести в голову прикончить крошку Шона? Не верю!

— Секундочку, — произнес О'Флаэрти, — давайте сперва проверим, действительно ли он тот, за кого себя выдает...

— Правильно, — поддержал его профессор Миллиган. — Голос голосом, а проверить не мешает.

— Вы утверждаете, будто являетесь духом Шона Макгрогоана, — начал биолог суровым прокурорским тоном. — Ну что ж, ответьте в таком случае, что вы... что Шон сказал мне в минувшую среду, когда я обратил его внимание на явный беспорядок в отделе инкунабул?

— Откуда я помню? — проворчал дух с явным раздражением. — Наверное, послал вас ко всем чертям. Чего же еще?

— Так-так. Ответ неверный. Шон велел мне катиться к дьяволу и поцеловать его в... Короче, *rogue mahone!* — О'Флаэрти на мгновение задумался, потом быстро спросил: — Хорошо. А какую книгу я в тот же день заказывал в читальном зале?

— Том Ариосто *in folio*, — немедленно отвечал дух, — последнее прижизненное издание «*Orlando Furioso*» 1532 года. Но я вам отказал. Вы осмелились настаивать, но я остался непреклонен. Вы, сэр, чересчур небрежно относитесь к подобным раритетам. Можно сказать, варварски относитесь. Как-то раз исхитрились даже оттяпать кусок пергамента от манускрипта четырнадцатого века — знаменитой «Желтой книги Лекана».

— Правда, — обескураженно пробормотал биолог, — истинная правда... Но кусочек-то был крошечный! Малюсенький совсем... Мне просто позарез понадобился образец шкуры теленка того периода, думал выделить ДНК... экспериментально проверить некоторые теоретические выводы о спонтанных мутациях и ирландских корнях шортгорнской и тиссватерской мясных пород... ничего не вышло...

— Святой Колумбан, какое невежество! — простонал дух. — Это же была настоящая «девичья кожа», тончайший материал, что изготовлялся из шкурок неродившихся ягнят, извлеченных их чрева матери. В крайнем случае, мертворожденных... Ягнят, понимаете? Ягнят, а вовсе не телят! К тому же его полгода только в чане с известью выдерживали, не говоря уж о свинцовых белилах... Где вы там ДНК полагали найти?!

О'Флаэрти смущенно промолчал, зато инициативу допроса попытался перехватить математик, профессор Миллиган; он поинтересовался у духа, как долго они с ним — то есть не с ним, конечно, а с физической оболочкой библиотекаря — были знакомы.

— С момента вашего прихода в Тринити тринадцать лет назад, — был ответ.

— Поразительно, просто поразительно... — Миллиган как будто собирался добавить что-то еще, потом замялся, но, в конце концов, набрался решимости и заговорил; голос его звучал хрипло и взволнованно, что, с учетом обстоятельств, было совсем не удивительно: — Скажите, действительно ли... хм... есть ли доля правды в слухах, будто вы отравили своего предшественника и родича, Донала О'Даворена?.. Чтобы самому занять его место — пост хранителя Старой библиотеки?

— Чушь! — тотчас отреагировал дух. — Дядя Донал отравился сам. Покончил с собой из-за какой-то юной шлюшки. Старческий маразм и безответственность, ничего больше. Полиция, кстати, пришла к аналогичному выводу.

Миллиган задал еще несколько уточняющих вопросов и, судя по удивленному хмыканью, получил на них если и не исчерпывающие, то вполне удовлетворительные ответы.

После математика за дело принялись и остальные участники сеанса; большинство их вопросов показались Константину Петровичу донельзя глупыми, во всяком случае, нимало не способствующими «установлению личности» духа. «Странно, насколько иные, даже очень умные люди утрачивают обыкновенную сообразительность именно в самый неподходящий момент», — подумал он, когда воцарившееся в гостиной на короткое время молчание нарушил Горислав Игоревич.

— Так кто же вас все-таки прикончил? Кому понадобилось укокошить одного

из наиболее достойных и уважаемых членов ученого совета? А, Шон? — небрежно проронил он, не слишком заботясь об учтивости и правилах приличия по отношению к бестелесной сущности.

Из уст медиума раздалось нечто весьма смахивающее на разъяренное кабанье хрюканье. Впрочем, может быть, Константину Петровичу только так послышалось, возможно также, что дух вообще захрюкал от удовольствия, ибо через мгновение он вполне благожелательно проворчал:

— А собственные мозги вам для чего? Или вас напрасно считают мастером разгадывания всяких логических ребусов и криминально-исторических загадок? Нет уж, думайте сами. Да и не пришло еще время открыть миру имя моего убийцы.

— Ну-ну, старина! Мы же с вами давние приятели! Намекните хотя бы, — попытался подластиться к эктоплазматической субстанции Костромиров.

— Намекнуть? Пожалуй... — несколько секунд из распахнутого зева фон Блоксберга слышалось какое-то нечленораздельное перханье, затем дух торжественно изрек:

*Там ищите ответы, где ведьма Эрхто,
Тени прогнав, любила усопших подслушивать сходки.
Там, где на радость Эреба богам творила она заклинанья,
Там, где дыханьем своим смертоносным воздух она отравляла.
Тайна надежно сокрыта под ветхой наследственной сенью.
Лишь два грифона, копьё и зеленый побег орстололиста
Вход охраняют в обитель, в которой издавна
Свили гнездо гемониды и прочие жители мрака...
Коли найдется герой, несмиримого мужества полный,
Муж крепкодушный, бурной отваге не чуждый,
С сердцем, секире подобным, всегда и везде непреклонным,
С разумом ясным... Короче, собой боговидный,
Тот, кто один не робеет, не дрогнет и не убоится,
Тот, кто дерзнет, кто отважится, тот, кто решится
В сумраке нынешней ночи прокрасться туда и разведать... —
Дуг мне свидетель и Огма, и прочие отпрыски Дану, —
Дита все таинства знать и стигийских жилищ сокровенных
Сможет он тотчас. От вышних ему дозволенье
В оном ниспослано...*

Судя по реакции собравшихся, вернее, отсутствию таковой, туманность проникнутого странным синкретизмом высказывания никого особенно не смутила. Видимо, большинство молчаливо признавало, что изъясняться загадками — неотъемлемое право духов.

— Очень мило и поэтично, — заявил Костромиров. — Но должен заметить, что при жизни вы никогда не вещали стихами. Во всяком случае, столь посредственными.

— Оттого и не вещал, — согласился дух и внезапно добавил: — А я будущее умею предсказывать!

Прозвучало это так, словно некий злорадный школяр торопится уведомить своего приятеля-сладкоежку о завалывшейся в его кармане шоколадной конфете.

— Ах, я знала, знала! — восторженно воскликнула мисс Гелия. — Духи всегда это могут. Это уж непременно. Умоляю, поведайте нам что-нибудь необычное. Например, что нас ждет завтра? Какая будет погода? Не стоит ли уже отказаться от шелковых блузок тропических расцветок и перейти на что-то другое, более строгое и практичное? Скажем, как вам замшевый гарнитур из осенней коллекции Лагерфельда? Тот, что с сиреневыми блестками, муаровый...

— Завтра?! — грозно рявкнул дух, настроение которого менялось, по всей видимости, еще чаще, нежели столь беспокоящий даму ирландский климат. — Вы спрашиваете, что будет завтра?!

— Да... — пролепетала мисс Гелия чуть слышно; она была уже не рада своему вопросу, хотя и не могла взять в толк, чем разгневала астральное существо. В ответ дух разразился свирепым саркастическим хохотом.

— Собственно, нас всех это интересует, — поспешил вмешаться декан Алоиз Баки, как только оглушительные взрывы и низкие грозовые раскаты inferнального смеха поутихли. — То есть, я имею в виду... относительно предсказаний... может, не обязательно насчет завтра, но...

— Стало быть, завтра?! — чувствовалось, что слова экзальтированной спиритки по какой-то неведомой причине не на шутку взволновали и задела дух библиотекаря, и он все никак не может успокоиться. — Ха-ха-ха! Го-го-го! Гы-гы! Завтра! Жалкие, ничтожные людишки!! Не все из вас увидят это самое «завтра»!

— Это возмутительно! — выпалил Жак Лаваль. — *C'est inouï!* Просто неслыханно! Так разговаривать с дамой! И с уважаемым месье деканом.

Дух проигнорировал эту реплику, в то время как Фергус О'Флаэрти не преминул ядовито напомнить профессору психологии, что вряд ли уместно требовать особенной вежливости от бестелесной субстанции, то есть субъекта, в некотором смысле, не существующего.

— Пойдите, погодите! — прервал биолога преподобный Падрейк Макферрис. — Что, собственно, имеется в виду? Что подразумевается под словами «не все увидят «завтра»?»

— Да, да! — поддержал его профессор Миллиган. — Очень хотелось бы... Это, знаете ли, ни в какие ворота... У меня, к примеру, как раз на завтра определенные планы...

И тут в очередной раз случилось кое-что странное, непредвиденное и даже невероятное.

Хрустальный шар, тот самый «магический кристалл», что до сего момента, чуть заметно мерцая, недвижно покоился на бронзовой подставке в центре стола, вдруг словно ожил: грани его сначала сами собой засверкали почти нестерпимым алым блеском, потом столь же внезапно потускнели, подернулись белесой пеленой, внутренность шара заволокло каким-то молочным туманом, а затем в сердцевине его проявилось нечто похожее на плохо различимый, будто смазанный и быстро вращающийся вокруг невидимой оси человеческий лик; с каждой секундой черты этого лика проявлялись все яснее и отчетливее, а скорость вращения становилась, соответственно, все меньше (или наоборот? кто его знает!), и вот, наконец, собравшиеся смогли вполне явственно разглядеть голову мужчины лет шестидесяти с венчиком редких седых волос вокруг макушки, оттопыренными ушами и маленьким приплюснутым носом; глаза мужчины были закрыты, а на полных устах блуждала загадочная улыбка.

— Бог мой, да это же Шон. Шон Макгроган, — прошептал профессор Бейдеженал. — Его лицо, точно его!

— Да, качественное изображение, — спокойно подтвердил Кланкарти. — Полагаю, голография...

В ту же секунду глаза на загадочном лице открылись, губы раздвинулись, пришли в движение, и прямо из недр шара (по крайней мере, именно так почудилось собравшимся) послышался все тот же противный замогильный голос, который минуту назад раздавался из раззявленной во всю ширь пасти медиума:

*Знайте, любезные гости, не позже, чем завтра,
В небе едва лишь погасит лик свой округлый Кинфия,
Дабы глаза отвратить и не видеть коварного действия,
Нечто случится ужасное... Чую,
Дитя-отца разверзается зев, пересыпанный пеплом,
Керы оттуда роями в ваш мир, хохоча, излетают,
Гарпии машут крылами, готовясь к обычной поживе,
Ламии тихо скулят в предвкушеньи дымящейся крови,
Палики жаждут насытиться свеженькой плотью,
С ними все три эвмениды исходят горгоновым ядом,
Тем аппетит пробуждая у трижды трехсушной Химеры...
Все они рвутся наружу, из сумрачных топей Стигийских,
Ибо не позже, чем звезды подернутся утренней хмарью,
Некто из вас испытает три лютые кары,
Будет повешен, отравлен и острым железом
Жизни лишен по неведомой прихоти парок!*

Едва умолкло гулкое хтоническо-аонийское эхо зловещих вирш, как в воцарившейся за столом воистину гробовой тишине, порожденной, без сомнения, чувством невыразимого, леденящего ужаса, вызванного как раз этими самыми виршами, язвительным диссонансом прозвучали слова профессора Костромирова:

— Браво, Шон! Браво, мой покойный друг. Смерть явно пошла вам на пользу. Можете мне поверить, ныне вы далеко переплонули всех записных рифмоплетов, всех, когда-либо совокупающих дактилические гексаметры с хромоногими триметрами, шинковавших винегреты из хореев, анапестов и ямбов. Даже почтенного Гая Луцилия. А ведь говорят, сей торопливый импровизатор исхитрился сочинять в час по двести стихов, стоя на одной ноге...

Но святающийся оракул уже померк, призрачный лик исчез, и инвективы Горислава Игоревича остались без надлежащей отповеди, зато вывели из ступора прочих участников сеанса, которые загадели все разом и

немедленно засыпали духа и друг друга возмущенными вопросами о потаенном смысле столь несообразного во всех отношениях предсказания. Однако в настроении призрачного обитателя пандемониума вновь произошла резкая перемена, и вместо ответа на законные требования столовращателей он изверг очередной поток слезливых жалоб и горестных стенаний. Теперь, правда, звуки исторгались привычным уже образом, то есть излетали из отверстия глотки медиума, а образуемые звуками фразы касались главным образом категорического нежелания духа возвращаться назад, в неприятное свое жилище.

— Господа, разве вы не чувствуете, как мучается этот несчастный! — взмолилась сердобольная и бесхитростная мисс Гелия (ее единственную не затронуло и не взволновало грозное пророчество тени убиенного библиотекаря; вероятнее всего, она просто ничего не поняла): — Надо же, в самом деле, что-нибудь сделать, что-то предпринять...

При этом очи мисс Гелии затуманились слезами и стали походить на плашки с подтаявшим студнем.

— О, это снова ты, добрая женщина! — ласково и одновременно искательно проклекотал дух. — Ну что ж, если ты и вправду готова сжалиться над страдальцем... готова помочь...

— Ах, конечно! — вскричала мисс Гелия с радостью, ибо почувствовала, что дух вновь почтил ее своим расположением. — Я готова помочь. Я даже счастлива буду помочь! Скажите только, каким образом?

— О, если так!.. Тогда я... Тогда я предложил бы тебе... дал бы тебе... яду!!! — совсем неожиданно рявкнул покойный мистер Макгроган

Мисс Гелия вздрогнула и окаменела. До нее, видимо, и на сей раз отнюдь не сразу дошел смысл этих слов, когда же, наконец, дошел, она дико взвизгнула, будто самка пекари, ощутившая в нежном крупе предательский заряд охотничьей дробин, вскочила на ноги и тут же с впечатляющим грохотом рухнула в обморок. Почти в то же самое мгновение визитная карточка в руках медиума вспыхнула неярким зеленым пламенем и прямо на глазах потрясенной публики обратилась в щепотку пепла, распространив по гостиной отчетливый запах серы...

К чести собравшихся ученых, следует отметить, что, несмотря ни на что, несмотря ни на какие спиритические иллюзии и эффекты, вполне могущие, надо думать, у разных прочих обывателей вызвать помутнение рассудка или хотя бы притупить чувства долга, вежества и приличия, все они тотчас позабыли про всякие прибулдные эктоплазматические субстанции и их злопакостные пророчества и как один ринулись спасать даму.

Первым на подмогу пострадавшей пришел преподобный Падрейк Макферрис, он склонился над духовной дочерью, безжизненно распростертой на полу, и попытался пощупать ей пульс, но отчего-то не на запястье или шее, а где-то в районе бедренной артерии. Его сменил Жак Лаваль, который заявил, что привести в чувство несчастную может только своевременное применение искусственного дыхания, «рот в рот», и не замедлил продемонстрировать свое умение оказывать первую помощь. За ними и остальные постарались внести посильный вклад в спасение столь же впечатлительной, сколь очаровательной мисс Гелии. Короче говоря, суета поднялась страшная. Каждый норовил явить «*urbi et orbi*» навыки мануальной терапии или, по крайней мере, подать совет. Когда же, спустя минут двадцать, совместные усилия увенчались успехом и мисс Гелия пришла, наконец, в себя, а спасатели и сочувствующие смогли, наконец, оглядеться, оказалось, что высокое кресло медиума пусто, а сам он пропал неведомо куда; вместе со своим страхолюдным подопечным бесследно исчез не менее колоритный доктор Джеймс Бальтасар Арчибальд Перселл и его колдовской кристалл. Надо полагать, оба спирита просто воспользовались суматохой, общей отвлеченностью на неотложные реанимационные мероприятия и тихой сапой слиняли из гостиной. Но выглядело это все одно в достаточной степени загадочно, таинственно и даже inferнально. Что и требовалось. Между тем, как уже было сказано, мисс Гелия очнулась. Очнувшись же, не без удивления обнаружила себя лежащей на полу, а на девичьей груди своей ощутила крепкие мужские ладони, немилосердно тискавшие «невинные перси ея».

Мы знаем достоверно, каков был гнев царевны Амимоны, которую возжелал снасильничать сатир, титаниды Астерии, некстати приглянувшейся Юпитеру, богини Дианы, когда обнаружилось, что за ней самым непристойным образом подсматривают в бане. Мы знаем, что даже в сердцах монарших особ и небожителей может бушевать ярость. Как Артемида поглядела на блудливого наглеца Актеона, Астерия — на похотливого громовержца, Амимона — на козлоногое чудовище, так мисс Гелия посмотрела теперь на Жака Лавалья, который чересчур далеко простер свою галантную услужливость.

— Отриньтесь, сэ! — выдохнула мисс Гелия. Бог ведает, из какой мыльной оперы или мелодрамы почерпнула столь архаичное выражение наша героиня, но полагаем, источником сего перла вполне могло явиться творчество Джейн Остин или даже самой Жорж Санд.

— *Dieu, quelle virulente sortie! O, excusez-moi, mademoiselle! Je suis desole!* Я в совершеннейшем отчаянии. Верьте, я только хотел помочь! Помочь вам, *mon petit chérie*, прийти в чувство... — проворковал ничуть не обескураженный психолог. — *Avant tout dites moi, comment vous allez, chere amie?* Успокойте меня...

— Отриньтесь, сэ! — повторила мисс Гелия еще более выразительно и чуть не задохнулась от гнева. Это упоминание о чувствах было насмешкой, гнусным намеком на ее до сей поры нерастратченное и, быть может, слегка затянувшееся девство! А уж «*petit chérie*», «милой крошкой» мог назвать ее только законченный злопыхатель. Так, по крайней мере, ей казалось. — Отриньтесь, сэ! — взвизгнула она, и перо прозаика не в силах изобразить ярость, с которой блеснули стекла ее до невозможности изящных очков.

Французский ловелас-профессор наконец почел за лучшее ретироваться, раскрасневшаяся, пунцовая, как генно-модифицированный и вдобавок накачанный нитратами помидор (и оттого еще более аппетитная), мисс Гелия поднялась на ноги, прочие гости расступились, предупредительный дворецкий (а может, приглашенный официант) погасил черные траурные свечи, и гостиную залил поток чуждого мистике эклектического света, — порядок в импровизированном сообществе спиритов-исследователей был восстановлен.

— Странно, что после смерти Шон стал питать такое неодолимое пристрастие к стихам, — пробормотал Горислав Игоревич в задумчивости. — Да вот только сомневаюсь, может ли этакая гадкая поэзия существовать где-нибудь, даже и в преисподней.

Почти все представители ученой элиты Дублинского университета уже отклонялись и поспешили покинуть не слишком приятно завершившийся консилиум; оставались пока Костромиров с Сопоткиным и профессор Жак Лаваль; да еще преподобный Падрейк Макферрис о чем-то тихо толковал у камина с явно расстроенным мистером Бакли. Судя по доносившимся фразам, добрый теолог старался по мере сил ободрить старого друга, а тот был неутешен, полагая, будто вечер оказался безнадежно испорчен дурной выходкой медиума или взбесившегося духа.

Лаваль некоторое время озабоченно слонялся по гостиной, то приближаясь к Костромирову и Сопоткину, то удаляясь от них; казалось, профессор психологии с одной стороны изнывает от желания поговорить с Гориславом Игоревичем, а с другой — мучается некими непреодолимыми сомнениями. В конце концов, он, вероятно, принял какое-то решение, ибо вдруг, как только часы пробили половину одиннадцатого, подхватился и выскочил вон из помещения.

Костромиров, все это время молча наблюдавший за странными маневрами французза, недоуменно пожал плечами. Через несколько минут и отец Падрейк почел уместным удалиться, тепло простился с деканом, по-отечески ласково кивнул нашим друзьям и выскользнул из гостиной.

Перед уходом Горислав Игоревич зачем-то решил выяснить у хозяина, где именно остановились фон Блоксберг с доктором: на университетском кампусе или в гостинице; оказалось, что в одной из гостиниц, но в какой именно, профессор Бакли не помнил, точнее, не имел представления, ибо всеми организационными вопросами, связанными с сегодняшним вечером, занималась его секретарша, миссис Белчер.

— Вас не очень затруднит, сэ, если я попрошу поручить миссис Белчер передать мне координаты этих чудодеев? Скажем, завтра утром? — спросил Горислав Игоревич. Профессор Бакли заверил гостя, что это его ничуть не затруднит и он с радостью выполнит любую просьбу столь знаменитого и даже всемирно известного ученого. — Полагаю, миссис Белчер знает номер моего телефона?

— Да, конечно. Чем-то еще могу быть вам полезен? — вежливо поинтересовался декан.

— Нет, благодарю вас. Впрочем... В вашей библиотеке имеется Лукан?

— Лукан? — удивленно переспросил Алоиз Бакли.

— Именно. Марк Анней Лукан. А точнее, его «Фарсалия», поэма *de bello civili*. Она у вас есть?

— Без сомнения, — ответил Бакли и направился к книжным полкам. — Вас устроит английский перевод или нужен непременно латинский текст?

— Не имеет значения, — сказал Горислав Игоревич. — Я хочу лишь уточнить некоторые факты. Наслаждаться звучанием гекзаметров в мои планы не входит.

Глава пятая

**ИЗ КОТОРОЙ ЧИТАТЕЛЬ, ВОЗМОЖНО, ТАК И НЕ УЗНАЕТ, ЧТО ТАИЛОСЬ
ЗА ПРЕДСКАЗАНИЯМИ И ЗАГАДКАМИ ПРИЗРАЧНОГО ОРАКУЛА**

Константин Петрович задержался на минуту на верхней ступени крыльца, залюбовавшись ночными видами аллей и внутренних скверов знаменитого колледжа. Трехъярусная, подсвеченная невидимыми прожекторами колокольня в тяжеловесном викторианском стиле, смахивающая на надгробный памятник королеве-долгожительнице, высилась прямо перед ним, как раз между Парламентской и Библиотечной площадями; рядом, под темными сводами из старых тополей, похожих на одноногих чудищ-фоморов, и вечнозеленого кустарника, виднелись какие-то нелепо-бесформенные авангардистские монументы, по неведомой причине еще более усугубившие кладбищенские мотивы и без того мрачного пейзажа. Из окон соседнего корпуса раздавались нестройные молодые голоса, выводившие заунывную гэльскую мелодию. Вероятно, студенты отмечали затянувшийся *Alhallowmas*, День всех святых. А может, готовились к завтрашнему празднику Поминовения усопших душ.

— Ну и как вам эта жуткая парочка? — поинтересовался Константин Петрович у Костромирова. — На меня, признаться, наибольшее впечатление произвел не сам фон Блоксберг, а его спутник или поводырь — обильный власами доктор Перселл.

— Неужели?

— Да. Вы обратили внимание на глаза одного спирита?

— А что не так с его глазами?

— Ну как же! Во-первых, они у него оранжевые! Точно у кота. А во-вторых, мне достаточно было только раз взглянуть, чтобы понять — такие глаза не могут принадлежать ординарной личности, это глаза настоящего гипнозиста.

— Да Господь с вами, какого еще гипнозиста? По-моему, так просто — маленькие хитрые кошачьи глазенки. Кстати, вовсе и не оранжевые, а черные...

— Нет, нет! А эти приплюснутые уши и мощные надбровные дуги? А взгляд? Вы обратили внимание, какой у него взгляд? Кажется, он способен проникать всюду, даже — сквозь стены и под землю... Видит вас насквозь, может залезть вам в душу или под черепную коробку. Право, я чувствовал себя под его взглядом, точно стеклянный. Как вспомню, прямо мороз по коже! Уверяю вас, других таких глаз мне еще не доводилось встречать.

— Ох уж эти мне литераторы! — вздохнул Горислав Игоревич. — Счастливы, наделенные большим художественным воображением. Вы способны даже френологические схемы сделать романтическими.

— Ладно, замнем эту тему. Но сами-то вы, профессор, хоть на сей раз готовы признать, что только что общались с духом?

— Для этого я слишком уважаю научные методы и объективное мышление.

— Вам мало доказательств?

— Что вы подразумеваете под доказательствами?

— Право, Горислав Игоревич! Вы же не станете отрицать, что слышали голос именно Шона Макгрогана, своего старинного приятеля?

— Не стану. Голос действительно очень похож. Да и прочие детали...

— Вот видите! Следовательно, гипотеза может считаться доказанной: посмертное существование души — установленный факт!

— Ни один ученый, достойный этого имени, не сочтет гипотезу доказанной, пока не установлено — с исключением всякого разумного сомнения, — что она является *единственно возможным объяснением* исследуемого явления.

— Но ведь и целиком объяснить виденное нами с точки зрения известных научных истин и законов вы не в состоянии. Разве не так?

— Так. Однако если исследователь не в силах объяснить причины какого-либо явления, он не станет сразу заявлять, что таковые причины носят несомненно сверхъестественный характер. Если, конечно, это добросовестный исследователь. Да и вообще, для всех подобных ситуаций, на мой взгляд, решительно применима формула Давида Юма для проверки чудес: никакое свидетельство недостаточно для установления чуда, если только свидетельство это не такого рода, что его ложность сама была бы еще более чудесной, чем тот факт, который оно старается установить.

— Постойте, постойте... А как же лицо в хрустальном шаре?

— Ах да, знаменитый «магический кристалл»! С ним тоже все довольно просто. Вот, извольте взглянуть, — с этими словами Костромиров вытаскил из бокового кармана и протянул приятелю небольшой томик *in quarto* в потрепанном переплете зеленого сафьяна. — Специально для вас захватил, то есть позаимствовал в здешней библиотеке. Пока вы в гостинице прихорашивались. Так и думал, что дело дойдет до

подобных кунштюков. Как в воду глядел!

— *Nicolas-Philippe Ledru...* — прочел Константин Петрович потускневшую золотую надпись на корешке. — Кто это?

— Вам ни о чем не говорит имя Николая-Филиппа Ледрю?

— Признаюсь, ни о чем.

— А между тем, в свое время тот был очень заметной личностью. Колоритной. Даже выдающейся.

— Авантюрист или философ? — предположил Константин Петрович.

— Отчего вы так решили? — удивился Костромиров.

— Ну... — Константин Петрович еще раз осмотрел сафьяновый томик. — «*Fous secrets de la maitrise*», «Потаенные секреты мастерства», парижское издание *Claude Bleuet* 1781 года. Век Просвещения... Тогда во Франции все были либо философы, либо авантюристы. Или, чаще, то и другое вместе.

— Стереотипы... Впрочем, вы почти угадали. Месье Николая-Филипп Ледрю, более известный под псевдонимом *Comus*, являлся талантливым физиком-демонстратором и практикующим фокусником. С равным успехом выступал он перед сливками *le troisieme etat*, третьего сословия, и перед аристократией. Более того, *Comus* имел удовольствие развлекать своими впечатляющими трюками королевские и императорские дворы. Людовик XV даровал ему звание профессора, а Иосиф II удостоил сравнения с Ньютоном, Майклом Скоттом и графом Калиостро. Его незабываемые эксперименты с электричеством, звуком и светом, а также глубокие познания в области магнетизма, не только обеспечили ему славу великого ученого, но и приносили недурной доход.

— Любопытно.

— Еще бы. А того любопытней, что публике особенно запомнилось представление, устроенное профессором зимой 1778 года в Париже. Месье *Comus* продемонстрировал тогда серию уникальных оптических иллюзий с использованием волшебного хрустального шара. Да-да, вы не ослышались, именно хрустального шара! Столичный *beau monde* в совершенном восторге наблюдал, как в туманной дымке магического кристалла под действием загадочных манипуляций проявилось объемное изображение головы самого мэтра; рассказывают, что, полностью материализовавшись, голова мило улыбнулась присутствующим, поздоровалась, а после с готовностью ответила на многочисленные вопросы донельзя заинтригованной публики.

— Невероятно!

— Можете мне поверить. Собственно, об этом Николая-Филипп подробно рассказывает в книжице, которую вы держите в руках... Интересно также, что мэтр был не только непревзойденным в своем роде иллюзионистом. Как я уже упомянул, он являлся твердым приверженцем науки и в этом качестве — виртуозным разоблачителем всякого рода шарлатанов, самозванных магов и в особенности спиритов. Месье Ледрю имел обыкновение инкогнито посещать шабашы разных ясновидцев, чудотворцев, именитых столовращателей и с неизменным блеском выводить их на чистую воду. Так что, как вы понимаете, врагов у него в результате оказалось не меньше, чем поклонников.

— И в этой книге...

— Совершенно верно. В своей небольшой монографии мэтр как раз подробно описывает механику как собственных фокусов, так и «чудес» многочисленных шарлатанов. Между прочим, очень редкий экземпляр. Я имею в виду книгу. После смерти Ледрю в 1807 году недоброжелатели ухитрились скупить и уничтожить большую часть тиража «Потаенных секретов мастерства». Остались считанные единицы.

— А можно я ее у вас на время возьму? Почитать.

— Сделайте одолжение, — с улыбкой ответил Костромиров.

— Ну, хорошо. Вижу, скептицизм ваш по-прежнему непробиваем. Надеюсь, время нас рассудит... А для чего, хотел бы я знать, вам вдруг понадобился Лукан? — сменил тему Константин Петрович. — И зачем эти расспросы о местопребывании медиума и доктора? Вы что, решили привлечь их к ответственности? За смущение умов и попрание здравого смысла? А?

Горислав Игоревич покачал головой. На устах его мелькнула едва заметная улыбка.

— На второй вопрос я вам пока не могу ответить. Ибо сам еще ни в чем до конца не уверен. Что же касается первого... Разве вы забыли, что сказал явленный нам адский дух? Где велел искать разгадку тайны собственной безвременной кончины?

— На память не жалуюсь, — заявил Сопоткин и тут же процитировал: — «Там ищите ответы, где ведьма, как бишь ее, тени прогнав, любила усопших подслушивать сходки...»

— Ага, верно. Только ведьму звали вовсе не «как бишь ее», а Эрихто. И что характерно, именно фессалийская колдунья Эрихто фигурирует в лукановской поэме. Да вы, вероятно, помните: та самая «краса гемонид», что отличалась довольно странными

гастрономическими пристрастиями, та самая, к которой обращается за предсказанием о грядущем сражении Секст Помпей...

— Да, пожалуй, теперь припоминаю, — согласился Сопоткин. — Ну и что с того?

— Как это «что с того»? Неужели еще не поняли?

— Говоря откровенно, нет, не понял.

— Правда? Но я просто решил уточнить, где обреталась она, ведьма. Точнее, куда конкретно поселил ее Лукан. Ведь мне предложено аккуратно в похожем месте искать ответы на вопросы.

— Ну и как, нашли?

— Что именно?

— Ответы на вопросы.

— Ответы, разумеется, не нашел. А вот где предпочитала обитать означенная Эрихто, выяснил.

— И где же?

— Коли верить Марку Аннею, более всего она любила жить в разоренных гробницах и пустых могилах.

— Подумайте, какая неожиданность, — усмехнулся Константин Петрович. — И что вы намерены предпринять в связи с этим литературоведческим открытием?

В ответ историк зевнул, рискуя вывихнуть челюсть, и сообщил:

— Собираюсь отправиться на Чейплизодское кладбище и пошукать подходящую могилку.

Оба друга только что вышли из ворот колледжа и теперь медленно брели по расцвеченной яркими неоновыми огнями Дам-стрит.

— На кладбище? — не веря своим ушам, спросил Константин Петрович. — Что, прямо сейчас? На ночь глядя?

— Всеконечно. Дождь, как видите, уже кончился.

— Но зачем?

— Как это зачем? Мне же напрямик, буквально открытым текстом заявили, будто сделать сие надлежит именно нынче ночью. Потом, дескать, будет поздно.

— И вы поверили? — удивился Константин Петрович. — Вот уж совсем на вас не похоже. С каких пор вы стали прислушиваться к советам духов и призраков? Не допускаете мысли, что все это пустое? Блеф.

— Очень может быть. И даже скорее всего, — Костромиров пожал плечами. — Но как иначе выяснить степень достоверности пророчества?

— Ну, положим. Но ведь лысый оракул обращался не конкретно к вам, даже вовсе не к вам. Он толковал о каком-то там гипотетическом «герое, несмиримого мужества полном», вещал о «муже, собой боговидном, с разумом ясным»...

— Ага, помню. Между прочим, как раз эта весьма точная портретная зарисовка и заставила меня заподозрить собственную персону в адресате стихотворного ребуса. В остальном, кстати, довольно корявого.

— Да уж, о таком качестве, как скромность, дух, и правда, не упоминал. Ничего не скажешь! — не мог не согласиться Константин Петрович. — Однако как быть с другой проблемой... Где вы предполагаете искать нужную могилу, склеп или что там еще? Намерены прочесать всё кладбище?

— Зачем же всё? Всё не нужно, — заверил приятеля Костромиров. — По счастью, мне известно, где и что искать... Дело в том... Вы, само собой, не в курсе... Так вот, дело в том, что Шона я знаю не первый год. Давненько знаю...

— Знали, — поправил его Константин Петрович.

— Что? — не понял Костромиров.

— Простите. Я говорю: знали. Он ведь...

— Ну да, ну да! Разумеется, знал. Мы познакомились при довольно странных обстоятельствах... Странных, если не сказать больше... Впрочем, это теперь неважно. Ага. Как бы то ни было, однажды зашел у нас с ним разговор о старинных кельтских генеалогиях, и он, само собой, упомянул о древности родов Макгроганов и О'Даворенов. Не мог не упомянуть. Сам-то Шон по материнской линии из голуэйских О'Даворенов. Вообще, оба этих семейства породнились давно и прочно... Да, собственно, и выражение «упомянул» тут неуместно, он едва не битый час перечислял знаменитых предков, их славные деяния и выдающиеся преступные наклонности, уверяя, будто ведет свое происхождение от самого Кэтбеда, знаменитого ирландского друида. Тогда-то я, кроме всего прочего, и узнал, что на фамильном гербе Макгроганов издревле изображалась пара грифонов, держащих в лапах отрубленную человеческую голову, а герб О'Даворенов украшает копые, увитое остролистом... А что изрек наш хулиганствующий фантом? Ну-ка!

— «Лишь два грифона, копые и зеленый побег остролиста вход охраняют в обитель...» Ну и *et cetera*, — без малейшей заминки выдал Сопоткин.

— Bravo, память у вас действительно отменная, — похвалил приятеля Костромиров. — Значит, необходимые приметы у нас есть. Это, во-первых...

— Стоп! Погодите! — перебил Сопоткин. — Сам догадаюсь... Вы намекаете, что искомая усыпальница также украшена аналогичными геральдическими знаками, так?

— Вы очень сообразительны.

— Замечательно. Предположим, вы правы. Тем не менее, как же вы ее найдете? Погост-то немаленький! — усомнился Константин Петрович. — Легче, по-моему, отыскать прыщ на заднице бешеного носорога.

— Странные у вас сравнения. При чем тут прыщавый носорог? Да еще и бешеный. Не думаю, что на кладбище, пускай заброшенном, пусть и ночью, меня подстерегают настолько жуткие опасности. Касаемо же того, как я найду могилу... Я ведь уже сказал, мне известно не только *что*, но и *где* искать. Разве вас, между прочим, не удивляет, что я собрался не на какое-то, а на вполне конкретное кладбище? Ну вот! Да будет вам ведомо, вчера, когда пути наши столь нежданно пересеклись, Шон назначил мне встречу... Хотя, вы знаете... Но назначил не абы где, а аккуратно у седьмой скамьи на Центральной аллее. Поелику же целью randevu, по занятой случайности, был именно осмотр родовой усыпальницы О'Даворенов-Макгроганов, то логично предположить, что и самый склеп расположен где-то неподалеку, поблизости от нашего с вами давешнего бивуака... Как видите, все очень просто.

— Действительно, просто, — не стал спорить Константин Петрович. — Ну, а какие такие страшные тайны вы предполагаете обнаружить под этой «наследственной сенью»? И есть ли, в сущности, необходимость извлекать оные на свет Божий?

Горислав Игоревич в очередной раз пожал плечами.

— Откуда, черт возьми, я могу это знать? Но ведь с какой-то целью намек был брошен! Могу лишь предположить, что всё это тем или иным боком связано с загадочным исчезновением Шона Макгрогана... Меня другой вопрос волнует...

— Какой же?

— Где я в этот час такси поймаю? Вот какой. Общественный транспорт наверняка уже не ходит.

— Эх, правда! С такси в Дублине вечная проблема, особенно вечером... Надо было заказать по телефону, пока еще от декана не ушли.

— Была у меня такая мысль, — признался Горислав Игоревич, — но пришлось бы, пожалуй, объяснить, зачем да для чего оно мне вдруг приспичило. Я же, как вы знаете, прямо здесь, на кампусе, обретаюсь. Ехать мне, на ночь глядя, особенно некуда. Да и ваша гостиница, вон она, в двух шагах, возле ратуши... А кое-кто и вообще мог бы, поди, догадаться, что я решил-таки последовать совету прилюдной души библиотекаря и намерен заняться собственными изысканиями. А уж это мне совсем ни к чему. Ага. Придется, видимо, вернуться, забежать в номер и воспользоваться телефоном...

— Одну секунду! — остановил его Сопоткин. — Я вспомнил, где-то здесь, на *College Green*, есть стоянка такси. Пойдемте, я покажу. Выйдет, правда, чуть дороже, чем днем, ну да ладно. Не пообедем.

— Вы что же, со мной намерены ехать? — спросил Костромиров. — Решили не бросать товарища на тропе войны? Точнее, на преступной стезе гробокопательства?

Глаза Константина Петровича засверкали зелеными карбункулами:

— Издеваетесь?!

— С чего бы? — удивился Костромиров. — Отнюдь...

— Чтoб мне лопнуть, если я упусти такую возможность! — Константин Петрович энергично заплескал руками. — Клянусь всеми шестью зубами Сервантеса! Еще разок прогуляться ночью среди могил! Да это ж... И потом — бросить друга и соотечественника «страха ради иудейска»?.. К счастью, малодушие мое не столь велико, как любопытство. Уж если вам хватает смелости наплевать на общественное мнение и рискнуть навлечь на себя самые жуткие подозрения местной полиции, будь я проклят, если стану хныкать из-за вероятности разделить с вами одну камеру... Надеюсь, сугубо гипотетической вероятности.

— Вот речь, достойная мужа, — отозвался Горислав Игоревич. — Не стану лукавить, я надеялся на такой ответ. Шастать ночами по погостам еще не успело войти у меня в привычку, и ваша поддержка может оказаться отнюдь не лишней.

На этом месте мы вынуждены огорчить читателя: Костромиров и Сопоткин действительно направились той же ночью на Чейплизодское кладбище и отыскивали родовую усыпальницу О'Даворенов-Макгроганов, но что именно они там обнаружили и как это оказалось связано с исчезновением хранителя Старой библиотеки, до поры до времени останется тайной. Если бы автор писал настоящую повесть, следуя причудам и прихотям собственного воображения, ему представилась бы великолепная возможность нагромоздить целую кучу удивительных приключений. Но мы вынуждены придерживаться подлинного хода событий и довольствоваться

исключительно фактами, ибо все здесь изложенное — одна истина. Другими словами, мы не вправе открыть подробности ночной экспедиции наших героев, так как это, как говорится, уже совсем другая история...

То же самое касается и зловещего предсказания неведомого оракула о близкой и страшной гибели одного из участников спиритического сеанса. Автор вообще не склонен доверять каким-бы то ни было предсказаниям, от кого бы оные ни исходили. Тем более, когда речь идет о столь несообразном пророчестве: мало кто готов поверить, что человек может помереть разом от трех невзаимосвязанных факторов.

Но вот что примечательно — на следующий день, третьего ноября, в «*Irish Independent*», на первой полосе появилась новостная заметка, вскоре перепечатанная с незначительными изменениями «*Examiner*», «*News Letter*» и «*Telegraph*»:

«С прискорбием сообщаем, что сегодня утром в стенах колледжа Святой Троицы, в своей служебной квартире найден труп профессора психологии Жака Лавалья.

Тело обнаружили газовщик и дежурный пожарный, которых вызвал консьерж, почувствовавший запах газа. Если изъясняться еще точнее, обеспокоенный консьерж вызвал газовщика, а тот счел необходимым срочно связаться с пожарной службой. Сначала решили, что где-то техническая утечка. Проверили состояние внешних газовых труб, оно не вызвало подозрений. Тогда заметили, что сильнее всего запах ощущается на втором этаже. Именно там расположена квартира месье Лавалья. Под входной дверью квартиры имеется совсем крошечная щель. Да, почти микроскопическая, мышь не проскользнет, разве — таракан, но вполне достаточная для того, чтобы запах метана распространился по всему этажу, а после потревожил и обоняние бдительного консьержа. Дальнейшее ясно. Когда дверь вскрыли, — она оказалась заперта изнутри, — нашли профессора Лавалья. На кухне, без признаков жизни. Профессор Жак Лаваль висел в петле, да еще и с перерезанными венами на обеих руках. Пожарный по роду деятельности обладал необходимой квалификацией, чтобы констатировать смерть. Вскоре подъехали медики и полиция; диагноз, увы, подтвердился. Со слов нашего источника в «*An Garda Siochana*», окончательной причиной смерти явилось именно отравление газом. Во всяком случае, концентрация была чудовищной, первые вошедшие чуть сами не лишились чувств и не отправились к праотцам. Покойный, по всей вероятности, закрепил веревку за газовый вентиль у потолка кухни, накинул на шею петлю, а затем вскрыл себе вены. Впрочем, не обязательно именно в такой последовательности. Как бы то ни было, окровавленный нож нашли рядом с ним. Поскольку, как известно, лимфа из-за наличия тромбоцитов, фибриногена и прочих форменных элементов на воздухе довольно быстро сворачивается, он, скорее всего, не успел бы истечь кровью. Веревка с петлей также оказалась слишком длинной — ноги профессора доставали до пола. Но теряя сознание (видимо, на это и был расчет), стал оседать и сам себя задушил. Под тяжестью его тела вентиль сорвало и метан мощной струей вырвался из трубы, довершая начатое... Не думаем, что последний момент также мог быть просчитан бедным месье Лавалем. Но да, факт, тем не менее, остается фактом — профессор ухитрился убить себя трижды. Судебно-медицинская экспертиза пока не закончена, но по предварительной версии следствия, имело место самоубийство. Как бы то ни было, падкая на сенсации публика тотчас поспешила усомниться в суициде и заговорила о пресловутом «проклятии тройной смерти», якобы предсказанной профессору в ходе спиритического сеанса, на котором он присутствовал накануне вечером. Расследование продолжается...»